

НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ
ПУТЬ САМУРАЯ

Евгений Владимирович Щепетнов
Путь самурая
Серия «Новый фантастический
боевик (Эксмо)»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31541389
Евгений Щепетнов. Путь самурая: «Э»; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-093477-5

Аннотация

Недавнее прошлое. Страна стремительно катится в пропасть. Разгул бандитизма и коррупции. Что делать? И в недрах спецслужб зреет проект... Участковый Каргин потерял семью и вместе со страной несется в ту самую пропасть, но вдруг «случайно» встречает человека, который с легкостью затыкает за пояс всех хваленых ниндзя. Начинаются изнуряющие, жестокие тренировки. Зачем? Какие уколы делает Каргину скрытный и странный знакомец по фамилии Сазонов? Ответ знает только сам Сазонов, а еще – те, кто за ним стоит...

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	54
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Евгений Щепетнов

Путь самурая

© Щепетнов Е. В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Евгений Владимирович Щепетнов – современный российский писатель, автор книг в жанре фантастики и фэнтези. Родился в 1961 году. Работал геологом и нефтяником, служил в милиции, был предпринимателем.

Писать начал в 2011 году, просто для души.

Профессионально занялся писательским ремеслом в 2012 году, в январе, выложив главы первой книги в стиле фэнтези на Самиздат.

На конец 2015 года написано 39 книг, из них издано 30. Остальные ждут очереди в печать.

Хобби: кладоискательство, охота, дайвинг.

*Я постиг, что Путь Самурая – это смерть.
«Хагакурэ», трактат о Бусидо*

Пролог

Хорошо! Солнце, ветерок, запах мокрой земли и цветов – сирень цветет! Я оглядываюсь на жену, потом смотрю на испачканное мороженым лицо Настюхи. На носу у нее смешная белая нашлепка – всю мордочку засунула в стакан!

Жизнь хороша, и жить хорошо! Я молод, здоров, у меня красивая жена, замечательная дочка – чем не жизнь?! И хочется петь! Что петь? А лучше всего старую песню, еще довоенную: «Все выше, и выше, и выше! Стремим мы полет наших птиц!» Есть что-то в ней такое... летящее, красивое! Так и видишь птиц, уносящихся в небеса!

Мне двадцать девять лет, и у меня все хорошо! Хорошо идет служба. Как говорит Маша, я работаю Анискиным. Дома все хорошо, и вообще все отлично! Денег не очень-то и много, но нам на жизнь хватает. А работа мне даже нравится, хоть и говорят, что участковый – это самый что ни на есть неблагодарный участок фронта. Да, именно фронта – мы, участковые, на передовой! К нам ссылают проштрафившихся оперов, к нам идут бывшие военные, которым нужно где-то начинать свой карьерный взлет по ментовской взлетной дорожке. «Дальше фронта не пошлют – дальше участкового не отправят!»

Я оглядываюсь на жену, протягиваю к ней руку, и...

Удар! Смачный, хрустящий шлепок! Черный фургон про-

неся мимо меня, снеся и Настюху и Машу, – черный, как сама смерть.

И я уже не смотрю – остановился он или нет, какая мне разница?! Я вижу только два комочка, две маленькие съеденные фигуры на асфальте – и больше ничего в мире. Весь мир для меня сосредоточился в этих двух фигурках!

И я кричу – страшно, дико, из самого нутра – криком умирающего зверя, криком человека, который только что лишился всего, что составляло суть его жизни. За одну секунду – всего!

И я просыпаюсь. И жду, когда ночной кошмар уйдет, оставив вместо себя отчаяние, одиночество и боль.

А потом иду на кухню – грязную, неубранную, достаю из холодильника бутылку водки, наливаю в граненый стакан, доставшийся от деда, и, стуча зубами по старому стеклу, пью. Пью – захлебываясь, вздрагивая от жгучей горечи.

И отпускает. Снова отпускает. Теперь – только чернота. Холодная, одинокая постель в неухоженной тихой квартире.

Глава 1

Я давно уже приучил себя вставать по внутреннему «будильнику». Не знаю, как это происходит в мозгу, но стоит мне с вечера представить себе циферблат будильника, время, в которое нужно встать, и... ап! Я просыпаюсь за десять минут до назначенного часа. Всегда – если, конечно, совсем уж не пьян и не валяюсь на полу в состоянии полного и категорического нокаута. И так бывает, да... чего уж греха таить.

Встал, пошел в ванную комнату, включил свет – из маленького окошечка над ванной свет поступал чисто условно, хотя за окном уже ярко светило солнце. Июнь!

В забрызганном пеной, заляпанном руками зеркале отразилась моя физиономия – опухшая, с глазами-щелочками, на голове черт знает что, не то сеновал, не то помойка. Эдак и до вшей можно дойти, не участковый, а бомж какой-то!

Пошел на кухню. Опасливо отстранившись от газовой колонки, разжег этот адский агрегат. Всегда боялся этого мерзкого изделия адептов сатаны – если не стену разнесет, взорвавшись, так когда-нибудь спалит твой несчастный скальп!

Не разнес. Не спалил. Теперь можно хоть как-то привести себя в порядок. Перегара, конечно, горячая вода не уберет, но повышенную лохматость устранил.

Рубашка, конечно, уже не то что третьей свежести – четвертой! Но другой, увы, нет. Остальные еще хуже.

Быстренько застирать засаленный воротник, замыть пятно от кетчупа на груди (не помню, что вчера жрал, но из этой штуки определенно текла «кровь гамбургера»), потом утюгом по мокрому, пар, шипение – и вот я уже новенький, как только что отчеканенный пятирублевик!

Включил телик – пока отглаживал брюки, смотрел новости. Ничего хорошего не увидел. Разгул преступности... падение доходов... бла-бла-бла...

Реформаторы хреновы! Губошлепы! Только и можете что шлепать своими толстыми мокрыми губищами и вещать о том, как хорошо нам будет при рыночной экономике, особенно после того, как правительство выполнит ваши дурацкие планы! Ох, Сталина на вас нет! Как говаривал покойный дед, в квартире которого сейчас я и живу. Ах, дед, дед... может, и хорошо, что ты не дожил до такого дерьма! С твоей-то и бабушкиной пенсией!

1994 год на дворе. Опять грохнули какого-то нефтяного магната – все стоят на ушах! Хорошо, что я не нефтяной магнат и взять у меня нечего – кроме грязных носков. Но они вряд ли кому-то подойдут по причине совершенной своей отвратности. Нет, а какими им быть, если ходил в них целый день по жаре? Какой-то идиот придумал, что ходить участковый должен только в черных форменных ботинках, и никак иначе! Надеть бы на него эти ботинки и как следует погонять! Узнал бы тогда, каков он, горький ментовский хлеб!

Да, горький! А что смешного-то? Попробуй потаскай этот

дурацкий дипломат, набитый кучей бумаг, – небось взвоешь! А на каждую бумагу в десятидневный срок нужно дать ответ. Прикрыть зад хорошей бумажкой – это главное в работе участкового. А еще – отбиться от толпы заявителей. Впрочем, частенько это одно и то же.

Завтракать не стал. Разве можно назвать завтраком выпивание двух сырых яиц? Да и те просто заставил себя выпить – есть не хотелось. Водка, я читал, она жутко калорийная! И если выжрать ночью целый стакан, хватит этого ночного «завтрака» до самого обеда.

Ох и тащит же перегаром! Во рту эскадрон гусар летучих ночевал. И десять ассенизаторов на «газонах». Хм... а во времена гусар были ассенизаторы? Нет, на «газонах» точно не было, а на лошадях – были. Золотари назывались.

Закрыл на ключ дверь, довольно-таки хлипкую, фанерную, и потащился по лестнице, пыльной, можно сказать – грязной. Времена такие – все пыльное, грязное, все какое-то... рваное. Вся страна такая. Рвут ее стаи больших и маленьких стервятников, рвут и никак нажраться не могут! Загадили всю, вымазали в дерьме, и просвета не видать. Народ голодный, озлобленный. В квартиру звонишь, так черта с два откроют – будут через глазок изучать не менее полчаса, а потом мерзким каркающим голосом сообщат, что милицию они не вызывали, а потому я могу идти стороной, пока настоящую милицию они не вызвали. Рожа у меня такая, что ли? Вроде и бреюсь, и стричься стараюсь... Ну да,

уже немного оброс, но не до такой же степени, чтобы принять меня за бандита?! Кроме того, бандиты в большинстве своем вообще лысыми ходят. И как одеты? Они в кожаных куртках, в трениках «типадидас», а я-то в форме, в конце-то концов! Идиоты... Да, это не Анискин, совсем не Анискин!

На меня накатила волна тоски, тяжелой, захлестывающей, как поток нечистот, вырвавшихся из переполненной канализационной трубы. У меня даже в глазах потемнело.

И потому я чуть не пропустил сидящую у подъезда бабу Маню, бабульку тихую, беззлобную, достойную моего монаршего внимания. В отличие от остальной компании бабок, настороженно вперившихся в меня своими альфа-лучами, а не взглядами.

Мерзавки! Но полезные мерзавки. Делать им не хрен, так они сидят у подъезда и следят за окрестностями. А потом радостно докладывают участковому: кто куда пошел, кто, словоч, нажился на народном горе и кто честный человек – каких, впрочем, в их понимании очень мало. Потому что время такое!

Не эти бабки, другие – на моем участке. Где я царь и бог. Пока не окажусь на ковре у начальства. Вот там я тварь дрожащая и права не имею. Потому что показатели у меня слабые: протоколов по пьянке мало составил, по «хулиганке» – тоже. Только говорить о том, что невозможно устроить массовый геноцид хулиганов, не стоит, потому что убойный аргумент начальства: «Я сейчас возьму тебя за руку, поведу к

ближайшему пивному ларьку и за пять минут найду десять мелких хулиганов! Что, никто не ругается матом, что ли?! Ты, Каргин, просто работать не хочешь! А не хочешь – так иди в народное хозяйство, там лишние руки не помешают! Можешь на стройке кирпичи таскать! Можешь говно ведрами черпать! Ты все можешь! У тебя руки-то золотые! Только дай работу!»

М-да. Пока шагал к остановке, задумался – а правда, вот вышибут меня в конце концов за пьянку, куда пойду? Что я умею? Технологом, по специальности? На завод? Так заводы стоят! Там зарплату не выплачивают месяцами, а то и годами! На стройку? Там своих хватает. Да и не по чину мне, белой кости, таскать кирпичи и мешать раствор. Не для того я на свет родился! Тогда кем? Ну что я умею?

Умею составлять правильные бумаги. Из меня вышел бы хороший адвокат, будь у меня юридическое образование. Я и в суде хорошо работаю, и расследование учиню не хуже бывалого опера. Опыта хватает – три года в ментовке, участковым, всего насмотрелся!

Участковый – это вообще-то нечто среднее между опером и дознавателем. Орган дознания, можно сказать. Могу следствие учинять, могу... ничего не учинять.

Опять мысль куда-то ушла... итак, что я умею делать? Стрелять. Все-таки мастер спорта по пулевой стрельбе (спасибо покойному отцу). Бегать могу. Хм... мог. Сейчас, пробеги я хоть километр, наверное, сдохну, хоть и не курю.

Дыхалки нет! Какая дыхалка, если год уже бухаю?! Ну... почти год. С тех пор как узнал решение суда – бухаю. Каждый день. Каждый! Сколько денег пробухал – самому страшно. Все запасы, все, что копил годами. Впрочем, а на кого мне теперь тратиться? Мои любимые, мои дорогие лежат в могилке. А мне... мне ничего не надо. Одежду государство дает. Обувь – тоже. И зарплату – вполне приличную для одинокого непритязательного вдовца. Жахнешь стакан, и отпускают ночные кошмары, и забываешь ты о том, что снова ляжешь в холодную постель, в тихой... мертвой квартире. И живешь вот так – с утра и до вечера, ждешь, когда сможешь прийти и присосаться к заветному стакану. Алкаш я уже, точно. Без водки – никак. И работать мне осталось в органах – хрен да маленько. Как ни лояльно относятся к участковым, которых вечно не хватает. И которых дальше фронта не пошлешь – система не терпит, если кто-то переходит прочерченную ею черту. Бухают все – в нашей работе нельзя не бухать. Свихнешься. Но «знают меру». То есть на дороге пьяными почти не валяются и проблем начальству своим гнусным видом не создают.

Здоровенный автобус вздохнул пневматическими тормозами, заскрипел древней дверью, принимая в свое пахнущее солярой и застарелой грязью нутро толпу осатанелых людей, спешащих на постылую работу. Все-таки парадокс: зарплату задерживают, кидают с деньгами почем зря, а люди рвутся работать так, будто это последняя работа в их несчастной

жизни! Казалось бы: не платят – пошли они на хрен! Не приходи! Не работай! А они едут... и работают, работают до упада. Поддерживаемые лишь одной надеждой, синие от недоедания.

Проклятая страна! Ну что ты с нами делаешь?! Эх... ну почему у меня в родне нет ни одного хоть завалященького еврея? Или немца? Свалил бы отсюда к чертовой матери!

Только не надо плевать мне в глаза за непатриотизм! Если страна меня не любит – за что я должен любить ее?! За грязь? За обман? За политических губошлепов, каждый день с экрана рассказывающих мне, как я замечательно живу и как буду жить еще лучше?! Пропади все пропадом! Эта страна не смогла даже наказать убийцу! Убийцу моих любимых Машульки и Настеньки! Эту мразь! Год колонии-поселения за то, что убил двух человек! Это как? Мол, переходили дорогу не на переходе, а рядом, а значит – сами прыгнули под фургон! Но я-то был с ними! Мы шли по переходу, на зеленый свет!

Почему мои слова не приняли в расчет?! Почему мне, милиционеру, не поверили, а поверили этим мразям, дружкам-бандитам? Судья был куплен, точно. Уверен в этом, но попробуй докажи. Ехали братки на стрелку, а... «Дорогу переходят какие-то лохи. Думал – успею! И не успел. Да пох! Откупимся!»

Рожка этой мрази была довольная, улыбающаяся. Скорее всего, он и дня не провел в колонии. Денег дали – и числится

по месту отбывания. А сам ходит по городу, девок щупает, водку хлещет! Где справедливость, Бог?! Где?!

У государства я и не спрашиваю. Оно не знает, что такое справедливость. Для него – курс рубля. К доллару. К фунту. Ну и к остальным буржуйским валютам!

Вот я и начал пить. Чтобы больше не стоял в глазах черный фургон, убивающий мою семью.

Чтобы не видеть разгуливающих по улицам мразей, которым дали на откуп страну, мою страну, которой гордился, которую любил!

Да, «любил»! В прошедшем времени! Только не надо трепать языком про Родину, которая... бла-бла-бла... Родина для меня – это лесок, в котором я собирал грузди! Степь, которой я дышал и не мог надышаться! Запах реки и вкус чая с душицей, спина отца, когда мы спали возле костра на рыбалке, накрывшись непромокаемым пологом. Вот что такое Родина! А не эта мразь, которая пришла к власти и которую я ненавижу каждой стрункой своей подышающей в муках души!

– Ты платить-то будешь? – прервал мои мысли водитель, с ненавистью глядя на меня маленькими свинячьими глазками. – Или формой прикроешься? Теперь не совок! Теперь и мусора платить должны!

Я сунул руку в карман, нащупал деньги, вынул, отсчитал нужную сумму. Легким движением бросил мелочь на деревянный ящичек, какие стоят у всех автобусников. Водитель

что-то хотел сказать, но, видимо, что-то разглядел в моих глазах, потому что резко заткнулся и даже подался назад, к открытому по случаю летнего времени окну. И тогда я вышел, негнушимися ногами ступая по ступенькам автобуса. Вслед полетело: «Развели мусорню! Дармоедов этих!» Но я оборачиваться не стал. Потому что, если обернусь, тогда уже все. Конец. Всему конец. Работе, свободной жизни, и вообще самой жизни. Потому что из колонии, я это точно знал, не выйду. Сдохну там. Вот была у меня такая уверенность: сдохну, если попаду в колонию, и все тут!

Меня трясло, пальцы сжаты в кулаки, и мой пластиковый дипломат казался легким, как пушинка, – столько адреналина выплеснулось мне в кровь.

Ох, неладно со мной! Совсем неладно! Только вот даже заикаться о том, что со мной происходит, нельзя. Я никому не имею права признаваться в этом. Ни-ко-му! Почему? Потому что ментовка – это такая контора, в которой все покруче, чем в курятнике. Закон курятника: «Клюнь ближнего, обосри нижнего и залезь на верхний насест!»

Паша Пыхтин, приятель из вневедомственной охраны, как-то мне сказал, что у себя в отделе ни с кем нельзя дружить, никому нельзя изливать душу и вообще нельзя высываться. О тебе должно сложиться впечатление как о дельном, исполнительном и недалеком служаке, интересующемся только службой и больше ничем. Как только заведешь дружбу, как только найдешь себе «верных друзей» из числа

сослуживцев – тут тебе и конец.

Ведь оно как бывает – как минимум один из десяти твоих сослуживцев состоит на связи у «соседей», «освещающая» всю работу райотдела, и что характерно – зная, что он здесь такой не один, все события описывает еще и другой агент, так что соврать – это себе дороже.

Как надо себя вести на службе? Смотри в глаза начальству и повторяй: «Бу сделано! Бу сделано! Бу сделано!» И... не делай! Мало ли что они там напридумывают! Хорошая бумага должна вылежаться!

Конечно, Паша преувеличивал, и я ему не верил – хотя он прослужил в органах гораздо дольше меня. Десять лет против трех моих. Утрированно, да. Но сермяжная правда в его словах была, она же посконная, она же ментовская. Это я начал понимать буквально в первые месяцы службы в отделе.

Зачем я пошел работать участковым? Ответ банальный и тривиальный. И даже глупый. Из-за квартиры. Тогда началась болтовня о том, что участковых надо приподнять во всех отношениях – и в моральном, и в финансовом. И в квартирном, само собой. Мол, начнем давать им квартиры, и в участковые народ поперет. А что, логика была, народ попер. Я же попер? Ну и вот. Само собой – с квартирами всех киданули, и, если бы не смерть моих деда и бабушки, я остался бы на бобах. Жили бы мы у тещи на квартире, когда даже потрахаться как следует нельзя: теща посреди ночи идет посмотреть, как спится нашей дочурке, и, само собой, вламы-

вается в комнату в самый неподходящий момент. Если бы не дед, в квартире которого я был прописан с самого детства, – труба дело.

Смешно – то, как я представлял себе работу участкового. Анискин, ага! Иду себе по участку – все меня узнают, здороваются, а я такой важный и красивый, как с картинки! И никаких тебе помоев, никакого дерьма, кучи бумаг, едва уместящейся в громадный дипломат.

Откуда помои? Если оставить в стороне помои, льющиеся на голову участкового со стороны начальства и со стороны «благодарных» граждан, – самые что ни на есть настоящие помои. Этой зимой у начальства началась очередная шиза. Кто-то с самого верху спустил указание, что нужно активно побороться с распространителями заразы и заливателями улиц помоями. Типа того, что пройти по улицам нельзя, целые наледи образуются из желто-зеленых продуктов жизнедеятельности налогоплательщиков и злостных от налогов уклонистов. Проще говоря, плещут помои вместе с дерьмом на улицу, и все тут! А народ – ходи, дыши миазмами, наслаждайся «чистым» воздухом. Нет, ну так-то дело хорошее – насчет гонений на этих грязнуль, но вот только кто будет их ловить?

Ну да, да... не надо быть трех пядей во лбу, чтобы догадаться кто! Участковые. Униженные, оскорбленные, гонимые, солнцем палимые, ветром продуваемые. Мы, однако. Я! Каждый должен был на следующий день, на планерке,

представить как минимум шесть протоколов за антисанитарию на злодеев, загаживающих улицы города. Где взять? Это глупый вопрос! «Вот сейчас я возьму тебя за руку и поведу... и найду десять нарушителей порядка! А если ты сам не можешь найти – иди в народное хозяйство!»

Сцука! Это пресловутое «народное хозяйство» представлялось начальственным ментам как самое худшее, что может быть в жизни, не считая колонии под Нижним Тагилом! Мол, раз пошел туда, в НХ – значит, пропал! Ведь покинуть светлые ряды воинства в серых мундирах – это смерть человека. Не физическая – моральная смерть. Потому что попадешь в компанию тех, кто ниже тебя, кто копошится у подножия твоего трона и на кого ты плевал сверху вниз с самой высокой колокольни. Ужасно! Ей-ей, ужасно!

Не ходите, дети, в народное хозяйство – там живет серый волчок и укусит вас за бочок! Ага, точно. Серые волки – это мы. Вместо того чтобы помогать людям – отписываемся, отбиваемся от заявлений, прикрываем задницу правильной бумажкой, расписываемся за выговоры, получаем инструктажи. И слышим, какие мы долбоособи и ничего не стоящие ослы. Со всех сторон слышим.

Да, быстро развеиваются твои розовые мечты и заблуждения, когда Система принимает в свои колючие объятья. Из колеи не выскочишь, да и нет такого желания. Пусть все идет, как идет. Досадно только. В кого нас превратили? Пэпээсники обирают пьяных, опера крышуют бандитские заведения,

бандиты разгуливают по городу, как по своей квартире, – даже оружие, суки, не прячут. А у меня нет оружия. Нам его только на дежурство дают. Потертый такой «макар», почти белый – воронение осталось на руках и в кобурах моих предшественников.

Впрочем, стреляет он до сих пор хорошо, и отсутствие воронения совсем не влияет на точность попаданий. Я сдуру на первых стрельбах все пули в десятку засадил – все-таки с детства стреляю, отец научил. Меня хотели на ментовские соревнования отправить – по стрельбе, само собой разумеется. Еле отбилсЯ – пришлось следующий раз едва-едва на зачет натянуть, а это дело потруднее, чем попасть в десятку! Нужно изобразить, что я целился-целился, целился-целился, а потом – бах! И мимо. А первый раз – случайно, с испугу попал!

Кто-нибудь может спросить, а какого черта я уклонялся от соревнований? Что, убудет от меня, если я выиграю эти самые соревнования? А зачем мне это? Кто мои бумаги исполнит, если я буду мотаться по соревнованиям?

Кстати, а я бы выиграл. Ни хрена ведь стрелять не умеют. Молодые или те, кого уволили из армии, эти умеют. А «старички» – нет. У них в головах крепко засела одна старая истина: «Пусть лучше уйдет, чем засадить ему пулю в спину и потом месяц отписываться в прокуратуре о правомерности применения!» Особенно если это был несовершеннолетний или баба – тут совсем уж кисло. Что, мол, без стрель-

бы не мог взять?! Ты, здоровенный верзила?! Обязательно надо было стрелять?! Ну и что, что у нее нож?! Тебя же учили спецприемам! Ты кто, милиционер или бабка, торгующая семечками?!

Было такое, было... и кончилось плохо. Так что лучше пусть бегут. А если ты не готов стрелять – зачем учиться это делать? Сдал зачет – ну и ладушки. А не сдал – коньяк поставил принимающему, и все в порядке.

Сейчас, конечно, времена меняются. И «старичков» осталось меньше (поувольнялись на хрен!), и новое правило пришло на смену старому: «Лучше отсидеть за превышение, чем отлежать в морге за глупость». У каждого, и у меня в том числе, есть «левые» патроны к «макару». Стрельнул – для острстки, под ноги или в воздух – и доложил недостающие в коробку при сдаче в оружейку. И разбирательства нет, и народ застрашал. «Кто стрелял?! А кто ж знает! И не стрелял никто – это фейерверки были! Ошиблись люди, бывает!»

А еще на смену идее пришли деньги. Берут все. Кроме меня, наверное. Впрочем, и я брал. Только не деньгами. Услугами. Помощью. И не от бандитов. Ненавижу бандитов! До скрежета зубовного ненавижу! Подыхать буду, а их кровавые деньги не возьму! И не надо мне втирать, что время такое, что молодежь не знает, куда себя деть, что экономическое положение заставляет. В войну – еще не такое положение было, и что? Не было такой коррупции, не было! По крайней мере, мне так кажется, что не было. При Сталине такой рай-

отдел, как наш, разогнали бы к чертовой матери! Кого в «народное хозяйство», а кого по зонам, да не по ментовским зонам, а по общим!

Я сталинист? Да ни черта. Терпеть не могу Усатого. Мои предки по отцу с Дона, так вот там Усатый и его прихвостники крепко почудили во время «рассказывания». Много казakov сгнуло, много... генетическая память не дает забыть.

Но человек я справедливый. А еще – юридически «подкованный» (что немудрено, при такой-то работе). Жесткая власть нужна. Хотя бы для того, чтобы органы исполнительной власти не превратились в вонючие помойки.

Впрочем, а зачем мне большие деньги? Есть-пить хватает, одевает меня государство – могу себе позволить послать на хрен бандитов, пытающихся избежать справедливой кары за свои преступления! Сующих свои грязные деньги!

А легче всего избежать соблазна, если тебе никто и никогда денег не предлагает. Как мне, например. Кому нужен простой участковый, когда все вопросы решаются по звонку сверху? Вызовет меня начальник отделения участковых, скажет, как мне жить, кого трогать, а кого не трогать – оно все так и будет. Кто я против них? Тварь дрожащая! Самый униженный класс ментов! Наверное.

Впрочем, и начальник отделения ничего не скажет. Он вызовет старшего участкового Гаранкина, скажет ему, и тот четко поставит задачу: «Х...й не заниматься, а делать то, что надо. То, что не надо – не делать». И перечислит то, что де-

лать не надо.

Кирилыч так-то мужик неплохой, но... только не надо вот это – «ссытся и глухой!». Очень даже не глухой, слышит все, а что не услышит – додумывает. И тогда держись! Насчет «ссытся» – не нюхал, не щупал. Потому сказать определенно не могу. Потому что юрист! «Место, время, событие происшествия» – вот на чем зиждется вся бумагомарательная юридическая система. Не видел – говори, что не видел. Можно сказать, что подозреваешь, но... на подозрениях обвинение не построишь, и годны подозрения только для оперативной работы, коей у нас хрен да ма-аленькая тележка. Мы же не опера, в конце-то концов!

Хотя смекалку приходится иногда проявлять почище тех самых оперов! Опять же пример – протоколы на выливающих помой. Как их добыть? На кого написать? Ведь люди должны быть реальны, туфта не прокатит! Штрафы идут в доход государства, вычитаются из зарплаты, или через сберкассу заплатят. А несуществующие люди штрафов не заплатят! Так и вычислят афериста с липовыми протоколами!

Итак, протоколы. Февраль, ночь, звездное небо. Я иду по переулку между частными домами. Окна светятся, из труб поднимается пар (газовое отопление у всех), люди ужинают, смотрят «ящик», ругаются, любят, и только я, одинокий волчара, крадусь в темноте, отыскиваю свою жертву. Хотя ради правды надо пояснить, что не такая уж и ночь – всего семь часов вечера. Темень согласно времени года, не более

того. Люди только-только оттаяли, придя домой с хрустящего морозца, из-под ветерка, обжигающего щеки и щиплющего уши. А тут – я!

Нет, никаких засад в маскхалате и выслеживаний злодеев, несущих помойные ведра. Все проще и банальней. Смотрю на сугроб, освещенный одиноким, почему-то еще никем не трахнутым фонарем, и определяю направление «раневого канала» сугроба. Тут ведь как – вышел и, далеко не отходя от калитки, шваркнул струю в снег. Если взять направление по «раневому каналу», точно узнаешь, из какого дома вышел злодей. И дальше начинается самое интересное – как расколоть супостата?

А делается это так:

– Здравствуйте. Я ваш участковый. Жалоба на вас поступила!

– Какая такая жалоба?! Мы ничего не сделали!

– Ну как же... СОСЕДИ видели, как вы выплескиваете помой на улицу, и довели до нашего сведения. Будем принимать меры!

– Ах твари! Да они сами! Да мы всего раз!

– Вот и напишите в протоколе: «Всего раз! Обязуюсь больше не совершать!», а с соседями мы разберемся, спасибо за сигнал.

И протокол в кармане. И такой примерно разговор в каждом доме по этой улице. А потом по другой. По третьей! Протоколы льются рекой, и участковый Каргин благополуч-

но прикрыл свой нежный зад от начальственного крепкого пендаля. Разве не голова? Голова! А то – Анискин, Анискин! Да Анискина уже бы уволили по нашим реалиям! Он в том фильме только ездил на «уазике» да с детишками болтал, лицо делал умное! А ты попробуй нафигачь полсотни протоколов на злостных помоечников! Или попробуй отправь в ЛТП алкаша, который ни дома не ночует, ни по повесткам никуда и никогда не является и вообще не собирается общаться с представителями правоохранительных органов кроме как посредством неприличных жестов!

Кстати, хорошо, что с этого года ЛТП официально закрыли. Как это все задолбало! Вынь да положь одного в месяц на лечение! А где их взять?! И ясно же – никакое это не лечение, чистой воды заключение на производственную зону. Беспредел, без сомнения. Почему я занимался беспределом, зная, что это беспредел? Тупой вопрос. И тупой ответ: по кочану!

На стене отдела рожи-фотороботы, по которым можно узнать половину страны, за стеклом Михалыч, майор, хороший мужик – бывший старший участковый на той зоне, на которой сейчас я работаю.

Про него легенды ходят. На участке у него – ресторан, довольно известный и недешевый. Михалыч его держал так, что они пукнуть боялись без его позволения! Не знаю, правда ли, нет ли, но говорили, мол, заходит он в ресторан и от входа мечет свою папку на столик, как диск олимпийский

метатель! Хлоп!

А потом щелкает пальцами и командует зычным, командирским голосом: «Аррркестррр! Музыку!» И они начинают, и наяривают! А он идет к приготовленной ему закуске – кушает, выпивает, все как положено.

Брехня, скорее всего, но за что купил, за то и продаю! А насчет Михалыча – всему можно верить. Мужик хитрый-прехитрый, тертый-перетертый!

Вот одной истории точно верю: искал он как-то элтэпэшника, алкаша. Тот усиленно от него бегал, прятался, вел антиобщественный образ жизни и по-всякому портил жизнь соседям, начиная с забрасывания их двора дерьмом и заканчивая метанием пустых бутылок по движущимся целям. Шebutной мужичонка, ему сидеть да сидеть – сам бог велел! И даже не в ЛТП.

Ну и вот: стучит в дом – алкаш не открывает. А Михалычу донесли, что супостат точно в доме. Михалыч тогда тихонько отжимает дверь, наплевав на прокурорские заморочки и тэ дэ (всегда можно сказать, что дверь уже была открыта и на ней имелись следы взлома, а значит, ты вошел для пресечения правонарушения), входит в дом и начинает поиски. А злодея нигде нет! Ни в шкафу, ни на антресолях, ни на чердаке! И где ты, гад такой?!

Только одно место – подпол! Где еще прятаться этой крысе, как не в земле?

Тогда Михалыч возвращается к входу, берет прислонен-

ный к стене здоровенный лом, идет к подполу и откидывает крышку. Заглядывает и... вроде никого не видит: «И тут нет! Да где же ты, Витя?! Куда спрятался?!» И ломом вниз – бац! Прямо между ног супостата, в землю – раз, другой, типа ищет! «Где ты, Витя?!» Витя в ужасе блеет: «Я тут, Юрий Михалыч! Осторожнее!» Михалыч: «Блеет где-то, а никак не найду – и где спрятался?!» И снова ломом – раз, другой!

И был Витя извлечен на белый свет – перепуганный до смерти, мечтающий поскорее уехать в ЛТП. Что, в общем-то, и было нужно. В шестой раз.

Со свистом ушел в ЛТП – судья даже не задумалась, отправлять его или не отправлять, когда принимала решение.

Михалыч на меня ноль внимания – принимает звонок, весь ушел в дела. Пофиг ему, кто вокруг ходит и что делает. Состояние полного сосредоточения – хоть стреляй в него! Он в дежурные перешел, чтобы на пенсию выйти с хорошего оклада. Дежурному платят больше. Да и потолок звания подполковничий. Да и на самом деле – хватит лазить по помойкам, ловить алкашей! Не молод ведь уже. По помойкам надо лазить таким, как я, – молодым, злым, шустрым.

Быстро прохожу в конференц-зал, и, как ожидал, последним. Все уже сидят на местах, а Гаврилов на сцене. В бумажки заглядывает. Сверяет списки? А что, с него станется.

– Эй, Каргин! Опять опаздываешь?

Это Петька Семенчук. Говно-парень. Вот три года работаю в отделе, и три года он меня достает. Боюсь, сорвусь ко-

гда-нибудь и дам ему в рожу. С последствиями, и не только по служебной линии. Петька, орясина здоровенный, в полтора раза шире меня в плечах. Тот еще боров. Чего он до меня докопался — до сих пор не знаю. Подкалывает, подгаживает, палки в колеса вставляет. Казалось бы, все мы в одной лодке, все на фронте, но... вот так. И в нашей стае есть безумные волки, кусающие тебя за зад в самый разгар драки с шакалами. Семенчуки, одним словом.

Проигнорировал гнусное нападение, уселся с самого краю, чтобы не привлекать внимания контролирующих органов, но... прекрасно знаю, что все это бесполезно. Гаврилов все видит, все замечает. Не человек, а цербер многоглазый!

Вот тоже интересный персонаж спектакля под названием Жизнь. Ему, по его возрасту и трудоспособности (фанатик чертов! оголтелый ментяра!) давно пора быть генералом. Ну, хотя бы полковником. И сидеть не в райотделе, собирая сощущания по мелким хулиганам и помоечным крысам, а решать гораздо более серьезные проблемы, глобально искореняя преступность, выжигая каленым железом тех, кто «кое-где у нас порой честно жить не хочет». Но нет. Райотдел, беспрерывные планерки, работа с утра до ночи, и никакого движения вверх.

Вначале я удивлялся, а потом узнал: сын у него сидит. Да не просто сидит, а десять лет за разбой с жертвами! Как Гаврилов вообще в органах удержался при таких родствен-

ных связей, это понятно. Фанатичный служака отработывает свой косяк. Истово, с душой, наплевав на свою личную жизнь. И норовя угробить личную жизнь всех своих подчиненных, с переменным к тому успехом.

Говорить о чем-то не относящемся к службе с ним бесполезно – все равно как с роботом. Он нацелен на поставленную задачу и будет выполнять ее с фанатизмом, достойным картины лучших художников Средневековья: «Не сломленный Джордано Бруно весело идет на костер». Такой гавриловский фанатизм заслуживает уважения, но никак и никогда – любви. Кто любит тяжелый молоток, упавший тебе на ступню? Хочется обматерить его. И отбросить как можно дальше.

Кстати, как ни странно, я был у него в некотором фаворе. Как так получилось? Да просто. Еще два года назад, когда я отработал уже год в отделе и находился на дежурстве в опорном пункте охраны правопорядка, или, как его называют причастные к теме граждане, в пикете. Пэпээсники привели с улицы пьяного – бродил, понимаешь ли, и «своим видом оскорблял человеческое достоинство». Кстати, до сих пор не понимаю: что это за формула?! Кто ее придумал?! Как можно своим видом оскорбить человеческое достоинство?! Но положено писать именно так. В протоколе, по 162-й статье. «Находился в пьяном виде в общественном месте». Именно в «пьяном виде», а не находился пьяным!

О-о... этому некогда посвятили целое совещание после

серии скандалов, связанных с задержанием пьяных на улице. Мол, откуда милиционер знал, что этот человек пьян? Анализы он не делал! Тогда почему пишет, что задержанный был пьяным?! А вот пьяный вид – это другое дело!

Казуистика, точно. Но из песни слова не выбросишь. Все так, как оно есть.

Так вот, оформляю я этого пьяного, и вдруг... щелкнуло у него в голове, предохранитель сорвало! Кинулся он на меня – прямо через стол!

Ну что сказать – во мне 75 килограммов веса, и ни одной жиринки. И боксом в юности занимался, и дзюдо (успехов, впрочем, не имел – только выбил пальцы и головные боли начались от полученных ударов по вместилищу разума). В секцию карате ходил. Потом бросил, когда трагедия случилась. Просто на все стало наплевать. Даже на инструктора по рукопашному бою меня готовили. В общем, ответить я смог и тут же поверг супостата на пол. А потом начал вязать ему руки и ноги, дабы пресечь его неправоправные деяния.

И вот когда моя эпическая битва была в самом разгаре – в опорный прибыл Гаврилов с проверяющим из УВД. Областного УВД! Рейд они делали по пикетам, чтобы посмотреть, как участковые борются с разбушевавшейся преступностью. И вот они входят и что видят? Участковый именно и борется с этой проклятушей преступностью! А преступность визжит, орет, плюется, матом виртуозно ругается – в адрес «мусоров» и жадно следящей за происходящим обществен-

ности в лице студентов юридического института. На ДНД их к нам присылали в обязательку. А нам и хорошо – иногда так не просто темной ночью найти понятого для досмотра! Или для подписи в протоколе, чтобы зафиксировать вот такое, как сегодняшнее, безобразие.

В общем, это был подарок моему начальнику! Борьба идет, руки злодеям крутят – все как на картинке!

Он довольно потер подбородок указательным и большим пальцами правой руки, был у него такой характерный жест, и, стараясь не выдать удовлетворения, деловито спросил:

– Хулиган? Хулиганит? – как будто этого не было видно с первого взгляда и не слышно. И так же деловито продолжил, погрозив супостату могучим, толстым, как сосиска, пальцем:

– А ты не хулигань! Не хулигань! Работай, Каргин, молодец!

Высшая похвала! Что-то вроде ордена Ленина районного масштаба!

С тех пор он меня даже зауважал. Ну... до тех пор, пока я не вошел в пике. Впрочем, и сейчас он полоскает мое имя не так часто, как, по логике, этого следовало бы ожидать. Да в глазах его нет-нет и промелькнет что-то вроде искорки жалости, когда он смотрит на меня своим тяжелым ментовским взглядом. Уж лучше бы гонял в хвост и в гриву! Лучше бы не отличал от других! От этой жалости еще тяжелее, еще горше!

Планерка прошла как обычно. Вялое бубнение участковых, к которым возникли претензии (примерно половина

состава), пафосно-грозное обличение нерадивых со стороны заместителя райотдела по воспитательной части, постановка задач – обычных, навязших в зубах: мелкие хулиганы, проверка разрешительной системы, пьяные, «зарезинивание» материалов, не рассмотренных в положенный срок, – все как обычно. Час, выдернутый из жизни бездарно и бесполезно. Показуха. Палочная система, будь она неладна! Нет, не в том смысле, как это понял бы простой обыватель, – не порка подчиненных гибкими палками толщиной не больше толщины пальца заместителя начальника райотдела. «Палка» – это единичка в клеточке достижений ментовского хозяйства. Составленный протокол, раскрытое преступление, пресеченное правонарушение. Много у тебя палок – молодец! Мало – бездельник. И место тебе... Где? Правильно! В народном хозяйстве! Среди остальных ста миллионов с лишком «бездельников»! Палки, палки, палки... задолбали своими показушными палками! Система, ее не сломать никогда!

Когда после окончания планерки все поднялись, дабы разбежаться по кабинетам и пикетам и начать изображать бурную деятельность, Гаврилов вдруг повысил голос и приказал, не глядя на меня, продолжая копаться в бумагах:

– А вас, Каргин, я попрошу остаться!

Ну, прямо-таки гестаповский начальник Штирлицу! Только Гаврилов вряд ли сделал это нарочно, подражая героям известного сериала. Во-первых, вполне допускаю, что Гаврилов сериала и не смотрел, занятый своей истовой служ-

бой. Он и сына-то упустил, отдав все свободное время службе, какие там сериалы?! Во-вторых, не такой он человек, чтобы так явно хохмить, да еще и при трех десятках участковых, на службе, в святая святых – конференц-зале, увешанном плакатами с призывами охранять правопорядок!

Но мои коллеги обратили внимание на его фразу, кто-то хихикнул, кто-то шепнул: «Попал парень!», Семенчук же довольно гоготнул, вероятно, представив, как через минуту с меня сорвут погоны, вырвав их из форменной рубашки.

И чем я буду в народном хозяйстве заниматься? В технологии пойду? В бандиты? Нет – только не в бандиты! Никогда! А если взять водки на все выходное пособие и ужраться до смерти? Смогу я сдохнуть во сне? Ох, только не так. Таскал я в морг одного кадра, ужравшегося насмерть. Захлебнулся тот рвотными массами. В состоянии полного нестояния – лежа на спине. Такой смерти я себе не пожелаю.

Впрочем, чего это я хороню сам себя? Особых косяков за мной нет: преступления не скрывал, старушек не обижал. Банк в черной маске не грабил – как сынок Гаврилова. Так чего мне бояться? Ничего. А все равно боюсь! Тварь я дрожащая или... тварь. Тварь!

Так, хватит самоуничижаться. Эдак и в привычку войдет. Лучше послушаю, за что меня сейчас поимеют без вазелина. Да, поимеют – для поощрений не оставляют одного после планерки. Поощрения высказываются громогласно, под фанфары и барабанный бой, под пение ангелов, под... хм...

в общем, громко. А не так: «Каргин, останьтесь!» – голосом Мюллера.

Подошел, садиться не стал, руки по швам, глазами поедаю начальство – настоящий служака! Дуб дубом! «Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона!» И добавлю: правопорядок!

– Каргин... у меня к тебе просьба, – Гаврилов оторвал глаза от бумаг, пристально посмотрел в мои бесстыжие буркала. Почему бесстыжие? Потому что известно: мы, участковые, все бесстыжие! Вместо того чтобы исполнять данные нам начальством поручения, груши околачиваем одним местом! Кстати, это в некоторой степени даже лестно. Я не могу пожаловаться на размеры этого места, но предположить, что я им достаю до груш... спасибо, начальники!

– Слушаю, товарищ полковник!

Никаких подполковников. Это только в дебилофильмах о ментах эти самые менты зовут подполковника подполковником. Только «полковник»! И не потому, что хотят польстить, – плевать на лесть. Просто так принято, вот и все.

Кстати, когда я смотрю эти фильмы, постоянно хочется кинуть в экран огрызком колбасы или напоить «ящик» остатками чая. Но, увы, таким способом нанести вред тупому сценаристу или тупому режиссеру совершенно невозможно. И пострадает только несчастный телевизор, которому в этой жизни и так уже досталось после того, как я в ярости сбил его с подставки и трижды пнул в пластиковый бок.

Я был не в себе, сильно пьян, и мне тогда хотелось крушить и ломать. Выместить на чем-то свое отчаяние и злобу.

Но я не о том. Не понимаю, почему в фильмах о ментах так врут?! Неужели трудно попросить проконсультировать о содержимом сценария какого-нибудь обычного мента, с земли? Кого-нибудь вроде меня, убогого! Того, кто хлебает с этой земли дерьмо огромными ложками и кто не собирается врать! Ну, если только... для дела. Но точно не по Системе. Что мне терять? «Дальше фронта не пошлют». Дальше народного хозяйства не отправлюсь. Не бандиты же, в конце концов, не убьют! Менты!

– Я тебе бумагу отписал... – Гаврилов чуть замешкался, что тоже странно, этот человек, как я давно заметил, никогда не сомневается. Если решил, назад дороги нет! А тут... ощущение такое, будто он сомневается, надо мне это говорить или нет.

Помолчал, продолжил:

– Ты разберись там... история мутная. Мне бы хотелось, чтобы ты подошел к этому делу с разумом и... в общем, правильно разобрался.

Офигеть! Гаврилов меня просит! МЕНЯ! С какого это перепугу?! И что значит «с разумом»?! Что я должен сделать? Закрывать дело? Отписаться? Или наоборот – раскрутить, найти свидетелей? Почему такие загадки?!

– Разберусь, товарищ полковник! – четко, как положено служивому человеку.

Показалось или нет? Поморщился. Служаке не понравилось мое рвение? Так ты же этого добивался – превратить подчиненных в бессловесных долбоособей, способных изъясняться лишь штампованными фразами! Или не этого добивался?

– Там один... пенсионер избил парня. Руку ему сломал, два ребра и нос, – задумчиво продолжил Гаврилов. – По пьяному делу. Со слов потерпевшего. И вроде как не одному ему нос сломал. Только остальные не обращались за помощью. Потерпевший, как ты понял, в больнице. Пенсионер пока дома. Дела еще не возбуждали. Разберись, выясни все как следует. Как ты уже понял, пенсионер непростой, военный пенсионер. Ему шестьдесят лет.

– Шестьдесят лет?! И он троих как минимум уложил?! – поразился я, не веря ушам. – Это что за громовержец такой?!

– Не знаю, – сухо ответил Гаврилов, не глядя на меня. Но я почувствовал – врет. Знает. Только говорить не хочет. Или не может. Разницы никакой, но...

– Это вам лично нужно? – прямо спросил я, не вдаваясь в подробности, что именно «нужно». Имеющий голову – да поймет.

– Просили сверху как следует разобраться. Вот и разбирайся. А я посмотрю, как ты умеешь разбираться!

Угроза? Или намек на поощрение? Щас прям... дождешься от него поощрения! Хорошо, если не накажет! Вообще, в нашей работе «не наказание» – это уже поощрение. Не тро-

гают – и ладно. Нервы не треплют, не полощут на каждой планерке – вот и слава богу. Система такая. Глупая система? Может быть. Но надо сказать честно – эффективная. А что касается справедливости – это категория субъективная. Справедливо все, что ведет к цели. Кто так сказал? Я так сказал!

– Разберусь, товарищ полковник! Разрешите идти?

– Подожди...

Гаврилов снова посмотрел мне в глаза, внимательно, будто хотел просветить до самых пяток. Секунд пять смотрел, не меньше, я даже слегка заменжевался – чего это он? Еще что-то решил пристроить на мою многострадальную шею? Какое-то особое дело?

– Перегаром от тебя тащит за версту. Глаза красные. Одежда несвежая. Лицо бледное, отекающее. Вывод – вчера ты хорошенько наподдал. Но скорее всего – ночью. Потому что живьем тащит. Каргин, ты понимаешь, что катишься по наклонной?

Сука! Я без тебя не знаю, что ли? Чего ты мне тычешь?! Зачем? Хм... а вот зачем – чтобы КАК СЛЕДУЕТ разобрался! Намекает, что, если я разберусь неправильно, прямая мне дорога... Куда? Ага. В него. В народное.

– Понимаю, товарищ полковник! Я все понимаю!

Не много ли в голосе «понимания»? Я должен каяться и кивать головой, а не подпускать в голос яду! Зря это я.

– А раз понимаешь, иди работай. Работай, Каргин, рабо-

тай! Пока что...

И я пошел. Пока что. Работать.

Вот почему так? Сцука, нельзя было по-человечески попросить? Мол, сделай так, а не эдак, и будет тебе счастье!

Нельзя было. Потому что он – Старый Служака, а я – Щегол На Крючке. Мне намекнули, что, если я сделаю не так, небо мне покажется с полушку. А если сделаю так, как надо, мне позволят и дальше катиться по наклонной плоскости.

А что? Все логично. Каждый человек – кузнец своего несчастья. Я – своего. И всем глубоко наплевать на мои личные трагедии, и вообще на всех – кроме самого себя. Ну и кроме своих близких, само собой разумеется. Это я – гол как сокол, ни семьи, ни отца-матери. Бывшая теща не в счет. Тем более что она меня ненавидит лютой ненавистью, будто это я виноват, что Маши больше нет. Мол, связалась с этим уродом и погибла.

Кстати, в этом есть своя правда. Не связалась бы со мной, не было бы Настеньки, мы бы не пошли в парк погулять, их не сбила бы машина. Значит, кто виноват? Я! Я? Я... Может, потому я и пью? Может, потому... а может... достало все! Все достало! Совсем – все!

Уселся за свой стол, выдавший виды, исцарапанный, залитый чаем, водкой, пивом, шампанским... не знаю, чем его еще заливали, – может, и совсем уж таким... экзотичным для отделения милиции, но не суть важно. Все здесь было старое, потертое, и запах – знакомый уже мне запах. Запах

канцелярии, застарелой грязи, табачного дыма, въевшегося в стены, пол и стулья. Я не курю (спасибо отцу и деду), но те, кто курит и остается на дежурства, не отказывают себе в удовольствии покурить в кабинете. А что – форточку открыл и смоли себе на нездоровье! Начальства ночью нет, а выходить в поганый, загаженный туалет, чтобы получить в легкие порцию такого желанного, ядовитого дыма – это влом. Получать удовольствие над унитазом – это для мажоров в ночном клубе, трахающих молоденьких шлюшек, а не для уважающего себя жестко-конкретного мента. А то, что потом вся обстановка в кабинете воняет табачным дымом – да кого это волнует? Некурящих? Перетопчутся!

Я бы сцукам этим курякам рты позашивал! Хотя бы на время!

В кабинете уже сидят пятеро моих коллег – бумажки перебирают, что-то печатают на раздолбанных машинках – треск стоит, будто работает взвод пулеметчиков. Когда у нас, в конце-то концов, будет нормальная техника? Ну, черт подери, конец двадцатого века на дворе! А мы все на раздолбанных машинках фигачим! Даже не электрических – простых машинках! Кабинеты ободранные, линолеум порванный – это что такое? Небось в Кремле нет подранного линолеума!

М-да. Вот так, на контрасте, и растет оппозиция. Впрочем, я не оппозиция, я не прокремлевский. Я просто мент, который пытается выжить и сделать свою работу. Какую? А вот сейчас узнаем какую...

Вот она, главная бумага. Та, за которую мне обещали повесить барабан на шею и отправить в долгое эротическое путешествие. Итак, что мы имеем... ну да, сообщение из травмпункта. Что же еще-то? Сотрясение мозга. Кстати, штука эфемерная и трудно доказуемая в отношении симуляции. Скажи, что тебя тошнит, что в глазах двоится – и вот уже ты на больничке, и вставать тебе нельзя, и, само собой, трудиться. И можно навесить статью – телесные средней тяжести, это если ты пролежишь на больничке больше 21 дня. А чего бы не пролежать, если у тебя ребра сломаны и рука?

М-да. Вот это старичок! Интересный старичок!

Итак, что делать? Ну а что еще делать – ехать в больницу, опрашивать потерпевшего. Узнавать, чего он хочет. Вообще-то даже интересно: что там за эпическая битва?

Собираться – только бумаги утрамбовать. Так, посмотрю, что там еще есть... ага... заявление гражданки Сидоровой о том, что... что такое? Черт! Опять психическая! «Надо мной произвели уникальный опыт. В подвале нашего дома выкачали мою кровь и перелили мне кровь от моей сестры. Этот уникальный опыт был записан на видеокамеру...»

Черт! Ну как же они надоели, эти психи! Время от времени приходится их проверять. По графику. Зачем? Если бы я знал... Вот, например, пришел я «в гости» к парню, который зарубил топором свою мать, после чего отсидел полгода в психушке, типа полечился, и теперь снова живет дома. Пришел я и смотрю на него. Дальше что? Дождаться, когда

он меня зарубит? Когда зарубит соседей? Чего именно мне ждать? Что писать? Как обычно: «Находился дома, по адресу... Состояние адекватное, признаков... не замечено». Все! И дальше пошел! А он через пять минут взял и зарубил соседку топором! Тьфу-тьфу. Что дальше последует? Участковый виноват! Допустил! Не проследил!

Зачем их выпускают?! Убил кого-нибудь, посидел в больничке полгодика – и снова на волю! Делай что хочешь! Убивай! Режь! Бей! Неправильно это. Совсем даже неправильно.

Так, что у нас там еще? Еще два сообщения из «травмы»... бла-бла-бла... отпущены. Легкие телесные... неизвестные люди на остановке... бла-бла... К этим придется ехать, брать объяснение и требовать отказное заявление.

Что еще пришло? Так... проверить по месту жительства... опросить... проверить на разрешительную... ничего серьезного. Текучка. Успеется. Сейчас в больничку!

Собрался, и быстрым шагом из кабинета. Подальше от начальства, целее будешь. Ушел – и с концами. Главное, дать результат! И тогда отстанут. Похмелиться бы... голова трещит, во рту словно кусок дерьма застрял. Отвратительно! А я ведь раньше совсем не пил. Даже пиво. Смеялись сослуживцы – мол, ты не стучишь, случайно, начальству? Все непьющие стучат! Шутка, ага, а глаза такие внимательные, колючие... Не любят у нас белых ворон, особенно *таких*. Не пьет, не курит, спортом занимается – обязательно это гнида-стукачок! Стучит, точно! Не пьют только язвенники да стукачи!

А теперь я свой. Совсем свой – в доску, в сиську свой. Вдрабадан!

Печально мне что-то. Грустно. Не хочу я быть своим в доску. *Таким* своим. Впрочем, уже наплевать...

Снова жара, снова автобус, только водитель теперь другой. Хачик, а они власть уважают. Пока уважают. Здесь. Не в Чечне. Впрочем, чеченцы водителями автобусов у нас и не работают. Бандитствуют – да. Магазины держат – да. Но чтобы баранку крутить? Никогда.

Обеденное время. На улице столпотворение: народ куда-то бежит, ларьки торгуют, машин – не протолкнуться! Вот куда они среди дня все бегут? Когда работают? Ну, молодняк я могу понять – гуляют, солнцу радуются, на девчонок поглядывают. А остальные?

Девчонки вырядились – как шлюхи на работе, глазками стреляют. А может, и правда шлюхи? Сейчас это запросто. Путана – звание гордое! Фильмы снимают о их несчастной жизни и выгодной работе. Интересно, сколько девок стали проститутками, посмотревшись такой хрени? Ведь оно как? Стала проституткой – и тут сразу очередь взять тебя замуж! И все иностранцы! И все из хороших, богатых стран! Дуры, ох дуры! И подлецы. Те, кто делает такие брехливые фильмы, – подлецы! Те, кто заманивает девок в грязь, в мерзость, в притоны!

Нет, я не яростный противник проституции. Более того, я за то, чтобы ее легализовать. Построить официальные пуб-

личные дома, выдавать «желтый билет», как до революции, и пусть себе пашут. Под медицинским контролем, с уплатой налогов. Ничего не умеешь, кроме этого, занимайся этим, только налоги заплати да здоровье береги! И свое, и клиента! А что сейчас? Криминал! Сколько бандитских групп кормятся на этом деле? Тысячи и тысячи!

Почему не легализуют? Мое мнение – специально. Как только легализуешь, закроется кормушка для властей, собирающих мзду с нелегальных публичных домов. Да и расценки упадут.

Нет, не легализуют. Наш брат мент тоже хочет жить, вкусно есть-пить, а если не будет запретов – кто будет платить следящим за соблюдением запретов?

А проституция – ну что она, проституция... была тысячи лет и будет тысячи лет. Пока есть люди, которые за нее платят. Идиотом надо быть, чтобы решить, будто указом можно запретить это явление. Даже при Сталине были проститутки, не такие организованные, как сейчас, но были.

Не выдержал, зашел в ларек-распивочную, купил бутерброд с колбасой и пятьдесят граммов водки, стараясь не встречаться глазами с молодой, симпатичной продавщицей. Ну да! Я в форме! И бухаю! И что вытаращилась?! Никогда не видела, как бухают?!

– Вы такой симпатичный молодой человек! – Продавщица улыбнулась, и я впервые с интересом посмотрел на нее как на женщину. Лет двадцать семь, немного вульгарная –

но не надо забывать, где работает. Сюда интеллектуалка-то и не пойдет работать, смотреть на рожи алкашей. Из простой семьи, точно. Но если ее прилично одеть, сделать хорошую прическу, то вполне себе будет девочка. Не стыдно выйти с ней в люди.

– Спасибо, – уголком рта улыбнулся, отошел к дальнему столику, чтобы не было видно лица и того, что я делаю. Все-таки на самом деле пить во время рабочего дня да еще и в форме – это грех. Нажирайся, но вне службы. И не позорь мундир, не валяйся в канаве в форме! За такое увольняют сразу – и правильно. Скоро и меня уволят. В канаве еще не валяюсь, но к тому дело идет. Вот уже и в форме бухать начал.

– Что, дежурство было тяжелым? – Я едва не вздрогнул, обернулся – она. Улыбается, подает пепельницу. – Вы не курите? А то вот сюда пепел!

– Не курю... – а сам взглядом обвел ее с пяток до макушки. Небольшая, но ладненькая. Юбка короткая – ноги загорелые, крепкие, стройные. Интересно, замужем? Нет – кольца нет.

Ищет себе нового мужа? Или единственного? Нагулялась – решила заякориться в тихом затоне? Нет, девочка, тут тебе не светит. Одна у меня жена теперь. Бутылка водки. Долго я не проживу. Зачем тебе алкаш без надежды на будущее? Иди своей дорогой... На одну ночь? Честно сказать – не хочу. Даже желания уже нет никакого. Только нажраться и спать –

главное, чтобы без снов.

Доел свой бутерброд, кивнул девушке и пошел из павильона, чувствуя, как ее взгляд буравит мне спину. Пусть буравит, спина у меня крепкая, мышцы еще не пропил, сдюжат. Не до тебя мне теперь, девочка. И ни до кого другого из вашего женского племени.

Когда подошел к входу в больницу, настроение уже улучшилось, как и самочувствие. Пятьдесят граммов растеклись по телу живительной струей, омыли больные органы и притупили боль – на какое-то время. Плохо будет потом. А сейчас – хорошо!

Потерпевший нашелся в палате отделения нейрохирургии (а где же еще, с башкой-то?). Это был здоровенный парнюга, хотя и рыхловатый, какими бывают ширококостные от природы, но не следящие за собой люди. Веди он здоровый образ жизни, занимайся спортом – получилось бы что-то подобное... хм... кому? Я что-то даже имен нынешних спортсменов не помню. Не интересно. Они где-то там, в вышине, а я здесь, на моей земле. В грязи копошусь... В общем, был бы парень большим и крепким, а не рыхлым и противным. Как сейчас.

Широкое лицо его все в сине-желтых потеках, в носу – ватки. Видуха еще та! Рука на перевязи, ребра на перевязи – классно парня отделали! Выглядит, будто после автомобильной катастрофы! Меня увидел, оживился:

– Че, ко мне? Давай, давай, хочу я этого чмошника за-

крыть! Не фуй на людей нападать! Козел старый!

– Хех! – Сосед по палате радостно хихикнул. – Ничего себе, дед какой-то отделал! Ну и молодежь пошла, только водку жрать могут! За себя постоять – никак!

– Заткнись на хрен! Пока по кумполу не получил! – взвился «потерпевший» и тут же осекся, заметив в моем взгляде что-то для себя неприятное. – Ну че, заяву писать? Примешь? Ваще-то тяжкие телесные! На кичу бы его неплохо отправить, сучару! Пусть парашу понюхает, урод!

– А не запахло – заяву-то писать? – холодно спросил я, устраиваясь на больничном табурете. – Не по понятиям, заяву-то.

– А ты че, меня понятиям пришел учить? – набычился парень. – Тебя че прислали? Заяву взять? Вот и пиши! Допрашивай!

– Слышь, ты... – не сдержался я. – Ты поскромнее будь! Перед тобой офицер милиции, а не чушкан из вашего шалмана! Обнаглел!

– Ладно, ладно, че ты?! – Парень опасливо прищурился, в глазах блеснул злой огонек. – Это я так... сгоряча! Вишь, башка у меня битая! Мне за то скидка! Мож, я спятил слегка!

– Спятил – в дурку давай направляю! – У меня внутри все кипело. Ненавижу это бычье! Хорошие люди умирают, а эти твари живут и живут! Ну и где в мире справедливость?! Точно, Земля – это ад, и на Землю ссылают отбывать срок ду-

ши грешников! И вот эти черти поганые делают пребывание твоей души на Земле как можно менее комфортным. Слуги Сатаны, ей-ей! Нет, не я до этого додумался – это я где-то прочитал. И ведь на самом деле – все сходится, если как следует поразмыслить!

– Э-э... не надо в дурку! – забеспокоился отморозок. – В натуре, ты че? Я так... пошутковал слегка! Спрашивай, я все расскажу!

После двадцати минут содержательного опроса, занесенного на бумагу, я узнал, что на моем участке, в Третьем Линейном проезде, проживает некий пенсионер, Василий Петрович Сазонов, очень злой человек. И вот этот человек напал на него, Царькова Виктора Васильевича, когда онный Виктор Васильевич дышал свежим воздухом, прогуливаясь перед сном перед своим родимым домом. Ну не своим, маминым, но домом. И вот этот Сазонов, злобный и гадкий человек (слова были нецензурными), сломал ему нос, руку, ребра совершенно ни за что. А когда друзья Виктора Васильевича хотели оттащить негодяя от несчастной жертвы, досталось и им, хотя и не так сильно, как Виктору Васильевичу. Потому что они вовремя покинули поле боя («Свалили, в натуре, пацаны! А что делать?! И я бы свалил, когда на такую измену присядешь!» – прокомментировал Царьков). И скорее всего, злой сосед был под наркотой. Потому что откуда такая сила, чтобы одолеть Виктора Васильевича? Или сумасшедший – у них, по слухам, такая сила появляется, когда они в безум-

ство впадают. Ну и все. «Мною прочитано и собственноручно подписано».

Заявление по форме: «Прошу привлечь к ответственности...» («Как пишется “ответственность”?!» – интересовался Царьков.) Документы готовы, теперь еще пару слов сказать.

– А тебе не стремно – дед вас разогнал, как шавок? И ты заяву на него бросаешь?

– Ниче... это раньше понятия были, а щас, в натуре, все не так. На кой менты, если меня не защищают? Я тож гражданин этой страны! Налога... на-ло-го-пла-тель-щик! Вот! Я тебя кормлю, а ты меня защищай! Вот так! Закон за меня!

– Ранее судимый?

– Ну и че? Чалился по малолетке, да. И че? Я свое отбыл! И такой же гражданин, как и все!

Смотри, как резво рассуждает... поднаторел! Колония – кузница кадров. Сел за хулиганку – вышел законченной мразью! И права качать умеет – научили небось. Мало ли советников?

Тут «хулиганка» катит. Начнут с деда деньги выжимать... И то, что он тут мне напел, – полная лажа. Чтобы шестидесятилетний дед вдруг взял и набросился на пятерых отморожков – это что, берсерк какой-то, что ли? Не верю. Брешет, сука!

Теперь надо будет послушать агрессора. Ехать на место. А может, вызвать его повесткой? Вечером студенты придут, послать их повестки разносить. Прибудет в пикет, там и по-

говоря.

Стоп! Так не пойдет. Дело непростое, не зря мне замнач его поручил. И снова неясно, почему именно мне? Ну да, место происшествия у меня на участке, то есть формально по месту совершения. Но можно было бы поручить и оперу! Фактически усматривается сто шестнадцатая – побои! Позови опера, дай ему задание, и вперед! А тут вызывают алкоголика-участкового и дают ему непонятное указание – «разобраться с разумом».

Ну, вы и кружевники! Таких кружев наплетете – сами-то понимаете, чего наплели?! Ладно. Я на крючке у начальства, меня можно подтянуть. Это ясно. Формально – я и должен заниматься этим делом. Это тоже ясно. Но не все ясно! Они ведь знают, КАК я ненавижу всякую эту мразоту, бандитву – мелкую и крупную! Хм... а еще знают, что я не поддерживаю с этой самой шпаной никаких контактов. Ни родственных, ни дружественных – никаких. Может, в этом и есть секрет? Или во всем сразу, все вместе взятое... Что толку гадать? Работать надо! И дожить до вечера.

Зашагал по коридору – мимо высоченных дверей, мимо больших окон. Больница построена еще до революции, а тогда стройматериалов не экономили. Потолки – теряются в небесах. Перила на лестнице – настоящий дуб, с тех самых пор сохранились, помнят руки сотен и тысяч больных и врачей.

А линолеум рваный, как у нас в отделе. И пахнет из сор-

тира мочой. И пыль на полу. Ну почему, почему все перемены обязательно с грязью?! Перестройки всякие, революции? Почему первым делом надо все загадить, а уж потом! О-о-о... как мы построим потом – на этой самой куче дерьма! Которую сами и наделали! Тьфу!

До участка добирался с трудом. Откуда-то народ набежал, автобусы полные, так что еле залез. Толкаться и лезть дуром не позволяет офицерская честь. Какая-никакая, но она у меня есть. Отталкивать старух с корзинами, пихать женщин, разбрасывая толпу локтями, – это не по мне. Машину бы купить какую-нибудь, хоть плохонькую, все было бы гораздо скорее. Только вот где денег взять? Да и разбил бы я ее в первые же дни. По пьянке. Или ее бы угнали от дома, как угоняют десятки и сотни машин по всей стране. Ставить негде, кроме как у дома. До стоянки тащиться далеко.

В принципе, можно и на стоянку... надо будет подумать. Когда деньги заведутся.

Через час я стоял возле калитки неприметного крепкого дома, ничем не отличающегося от десятков других домов по этой улице. Дощатый забор, скамейка – давно не крашенная, видно, что на ней никто не сидит, как это обычно происходит у других домов. В палисаднике кусты сирени – неухоженные, разросшиеся до дикого состояния. Окна в доме закрыты ставнями. Что вообще-то вроде и странно, и довольно-таки объяснимо. В эту жару лучше укрыться в темноте. Так прохладней. А если еще ты знаешь, что кое-кому отмороженно-

му вчера набил морду – лучше побережь стекла и укрыть их за деревянной броней. Так целее будут, это уж точно.

Минуты три я разыскивал звонок, с помощью которого рассчитывал добраться до хозяина дома. Звонка не было, калитка закрыта, так что ничего не оставалось, кроме как лезть в палисадник, рискуя повиснуть на штакетине и разорвать мои единственные условно чистые штаны, а также поиметь неприятности на свою худую задницу – в буквальном смысле слова.

Но нет – перелез, не повиснув, не зацепившись и не лишившись мужских первичных половых признаков. И заколотил кулаком в ставню – вначале тихо, осторожно, но, видя, что мои усилия ни к чему не приводят, во всю силу своих подпорченных алкоголем тридцати лет.

Когда контакт с «объектом вожеления» совершился, я едва не упустил в штаны – мужик подкрался настолько тихо, настолько осторожно, что это можно сравнить со скрадыванием добычи диким зверем вроде леопарда, – медленно-медленно, тихо-тихо, а потом рывок! И жертве каюк. И поделом! Нужно быть внимательнее! Не подставляйте спину клыкам и «перьям», звери и участковые!

– Что хотел? – Голос был хрипловатым, низким, а его владелец совершенно невидным, неопределенного возраста, от сорока до семидесяти.

Шестьдесят лет? М-да... Двигается он не так, как человек, отягощенный болезнями и долгами. Спокойный, как удав,

ловкий, как леопард, и проницательный, как... как... кто? Питон Каа – вот кто! «Бандерлоги, подойдите еще на один шаг! Хорошо ли вам видно, бандерло-о-оги?!» Брр... аж мурашки по коже. Ну что же, поговорим, Каа?

– Василий Петрович Сазонов? Я ваш участковый. Мне нужно вас опросить по поводу инцидента...

– А имя у участкового есть? Фамилия? – негромко, но жестко осведомился мужчина. – Представяться не учили?

– Извините... – я слегка покраснел, что было для меня совсем неожиданно. Неужели я не разучился краснеть? – Каргин Андрей. Лейтенант милиции. Участковый. Теперь мы можем с вами поговорить?

– Теперь можем. Заходи! – Калитка открылась. И я вошел во двор. И это простое деяние навсегда изменило мою жизнь.

Глава 2

Из «Хагакурэ» – трактата о Бусидо:

«Если каждое утро и каждый вечер ты будешь готовить себя к смерти и сможешь жить так, словно твое тело уже умерло, ты станешь подлинным самураем».

Двор чистый, ухоженный, в отличие от палисадника. Видно, что за двором ухаживают – с душой, с расстановкой. Цветы, газон. Камни расставлены в некоем художественном беспорядке. Ну что-то вроде сада камней у японцев. Не хватает только небольшого пруда с рыбками и сакуры. Впрочем, вон и сакура. Не совсем сакура, но тоже вишня – наша, русская сакура! Цветет, кстати, ничуть не хуже.

На травке шезлонг, книжка лежит. И что интересно – книжка на английском языке. Хм... вот тебе и пенсионер! Кто же это такой, в конце-то концов?!

– Здесь сядем или в дом пойдем? – Сазонов указал на стол под навесом. Вокруг стола стояли четыре стула – ровно, как по линейке. Стекланный кувшин с чем-то желтоватым, высокие коктейльные стаканы – два стакана. Розетка с чем-то красным, похоже, что-то вроде аджики. Нарезано сало – аппетитное, в мясных прожилках. Хлеб – не магазинный, это сразу видно. Круглые караваи с зажаристой корочкой и, похоже, еще теплые – от них шел запах горячего хлеба, такой

уютный, такой аппетитный, что я невольно сглотнул слюну.

Сазонов заметил мои страдания, чуть улыбнулся одними губами и снова предложил:

– Давай-ка здесь сядем. И не стесняйся, угощайся, чем бог послал.

Я секунду помедлил, затем решительно сел, приземлив свой эпического размера дипломат и отложив в сторону фуражку, на второй стул. Ладони горели – попробуй-ка потаскай такую тяжесть весь день! Небось ладони тоже станут толстыми, как подошвы!

– Это вино, – кивнул Сазонов. Не спрашивая разрешения, он наполнил стакан и пододвинул его ко мне. – Пей, тебе надо.

– Почему – мне надо?! – оторопев, переспросил я.

– Потому что ты с тяжелого похмелья. И, похоже, не первый день. И не первую неделю.

– Откуда... откуда вы знаете?! – поперхнулся я, чувствуя, как снова кровь бросилась мне в лицо. И тут же поправился: – С чего вы взяли-то?!

– Ты кому втираешь? У меня глаз наметанный – ты с похмелья. И от тебя тащит живьем. Пару часов назад ты выпил пятьдесят-сто граммов водки. Будешь отрицать?

– Не собираюсь. Это ваши выводы, и ничего больше. Нет, я вино пить не буду. Если не трудно, дайте, пожалуйста, воды. Жарко.

– Чаю. Будем пить чай. В такую жару на Востоке пьют зе-

ленный чай. И мы будем.

– Только сало на Востоке не едят! – не выдержал я. Меня напрягало, что этот человек так запросто, легко взял инициативу в ситуации на себя, и потому я немного злился. Кто он вообще такой?! Человек, который ходит под статьей! А я? Я тот, от кого зависит, упадет на него эта статья или нет! Так какого черта?

– Не едят, – усмехнулся Сазонов. – А мы – едим. И ты ешь давай, голодный небось. Весь день на ногах. Вон какой чемодан таскаешь! К нему колесики да мотор – можно было бы на нем и ездить!

Я невольно улыбнулся – точь-в-точь как я всегда говорил насчет моего чемодана. Правда, к нему бы колеса и мотор!

Сазонов ушел в дом, а я не выдержал и с жадностью набросился на сало. Что я сегодня выкушал, если не считать водки? Один жалкий бутербродик! Организм требовал своего, организм не обманешь фальшивыми водочными калориями.

Сазонов пришел минут через пять, когда я уже успел пропустить через глотку приличное количество пахнущего чесноком, охренительно вкусного сала и такого же охренительно вкусного хлеба. Ей-ей, я давно так вкусно не ел! Все закусь какая-то, гадкие пирожки, гадкие беляши, килька в томатном соусе, подозрительная колбаса и венец творения – яичница.

Ну что может быть проще яичницы? Но я и ее умудрялся

время от времени палить до состояния антрацита. В общем, обычно я не ел и даже не питался, а перекусывал. Как волк, запертый в клетке, перекусывает палку дразнящего его негодяя. Щелк! И перекусил.

А вот сейчас я ЕЛ. И наслаждался едой. Простой, здоровой и незамысловатой. Хорошей едой.

– Ну вот и славно, Андрей Владимирович! – Сазонов поставил передо мной довольно-таки большой бокал с чаем.

Не люблю, когда подают чай в маленьких чашечках-фитюльках. Ну что это за подражание гнилому Западу? По-русски – вот так, пол-литровая кружка, и пей на здоровье! Кстати, в такой кружке чай дольше сохраняет температуру, – обычная физика, объем-то больше, чем в фитюльке, которую можно опорожнить одним глотком!

– Я вам не называл моего отчества, – безмятежно глядя в глаза Сазонову, сказал я, пододвигая к себе бокал. – Яду мне не насыпали? Слабительного?

– Ах-ха-ха-ха! – вдруг раскатисто рассмеялся Сазонов, показав идеально ровные, белые зубы. Явно не натуральные. Дорогие зубы, я знаю. Как-то в райотделе был разговор, мол, чтобы вставить все зубы, наших зарплат надо за год вперед.

Не бедный пенсионер. Так что он тогда делает здесь, в «Шанхае»? Почему не живет где-нибудь в центре, в дорогой, хорошей квартире, как подобает персональным пенсионерам? Ведь персональный, точно! И про меня ему уже все доложили. Зачем только?

– Не собираюсь я тебя травить, – вытерев слезы и откашлявшись, заявил Сазонов. – Да и зачем? Отрави тебя – пришлют какого-нибудь дурака. Он и разберется по-дурацки. А ты парень умный, хотя и злоупотребляющий. Ты мне нравишься, парень. Башка у тебя есть, вижу. Да и юмора не занимать. Люблю людей с юмором. Ну что, если ты сыт, поговорим?

Я еще не был сыт, но ведь можно и в процессе подесть, так что утвердительно кивнул:

– Поговорим. Рассказывайте, как все было.

– Ну как... шел домой. А у меня на скамейке сидит эта гоп-компания. Выпивают, грегочут, бутылку разбили о столб. Я сделал замечание, предложил им свалить куда подальше. Они начали выступать, а потом этот... как его...

– Царьков Виктор Васильевич, – помог я.

– Вот-вот... Царьков Виктор Васильевич... мерзкая подзаборная дрянь! Попытался схватить меня за лицо, с матом и угрозами. Ну я на рефлексе и... остальное ты знаешь.

– А остальные?

– Ну а что остальные... тоже полезли. Но они поумнее оказались и после первых оплеух разбежались. Тут ведь смысл какой: когда вожака завалили, кто из стаи полезет? Звериные инстинкты, ничего больше.

– Василий Петрович... а где вы научились так драться? Ну вот так – чтобы разогнать пятерых шпанюков? Вы не выглядите таким... хм... могучим!

– Парень, сила не в плечах. Сила в духе. А духа у меня хватает с избытком!

Я хотел схохмить про дух человеческий, вернее, про запах, который может разогнать толпу врагов, но поостерегся, глядя в гранитное лицо собеседника. Это был даже не волк, это волкодав! Невольно согласишься, что такой может разогнать стаю шакалов! Почему-то вот не хотелось его обижать.

– Где я служил – не имею права тебе говорить, – Сазонов извиняюще улыбнулся. – И где учился тому, что умею, – тоже. Поверь, при желании я мог бы их всех просто поубивать. На месте.

– Спасибо, что не поубивали! – с иронией протянул я, и Сазонов кивнул:

– Пожалуйста.

– Да, мне тут на земле только смертоубийств не хватало! Ко всему прочему! И так дерьма по жизни хватает, так еще и пилюлей от начальства получить за то, что не уследил.

– Еще поешь? Ешь, ешь, не стесняйся – не обеднею. Да и легче потом думать будет, сытому-то.

– И раз мы вместе хлеб преломили, теперь мне вас гнобить будет стремно, – задумчиво заметил я, протягивая руку за ломтиком сала.

– Хм... – Сазонов пристально посмотрел мне в глаза, опустил взгляд и задумчиво кивнул своим мыслям. – Ты не так прост, каким кажешься. Меня предупредили, да. Только не спрашивай, кто предупредил. Глупо же.

– Да я и не спрашиваю. – Я невозмутимо отхлебнул чай и с удовольствием отметил, что хозяин добавил в него ломтик лимона. Люблю – с лимоном! Просто обожаю! С детства. И вообще люблю запах цитрусовых. Даже одеколон, что покупала мне Маша, пах цитрусом...

– Ты уже решил, как будешь выкручиваться? Хм... вернее, меня вытаскивать...

– Вы хотите, чтобы я дал вам полный расклад? – Я усмехнулся и довольно откинулся на спинку стула, уцепив кружку за широкую ручку. – Зачем?

– Интересно! Я же пенсионер, мне все интересно. Делать нечёрта. Сажу вот, чай пью. Или цветы окучиваю. Виноград выращиваю. Мне такие сорта прислали районированные – закачаешься! Ученый один вывел. Только никому теперь не нужны его сорта. Сейчас вообще ничего не нужно – кроме денег. Может, и тебе деньги нужны? Да ладно, ладно, чего ты так лицом-то окаменел? Извини. Ты, наверное, единственный в вашем отделе, кто на деньгах не повернут. Или не единственный?

– Сто шестнадцатая усматривается, – не отвечая на вопрос, холодно проговорил я. – Побой из хулиганских побуждений. Так можно повернуть. А можно сделать штраф – личные неприязненные отношения. Это уже административка, совсем другое дело. То есть вы знали этого негодяя и раньше, у вас были конфликты, которые вылились в драку на бытовой почве.

– Я не буду платить этой твари! – предупредил Сазонов, и желваки напряглись на его щеках.

– Не будете. Но мне нужно накопать на него какой-нибудь грязи. Вы с соседями общаетесь? Что-нибудь знаете про то, как этот тип живет? С кем? Что делает?

– Его мамаша, насколько знаю, приторговывает самогоном.

– Еще чем-то?

– Не знаю. Может, и наркотой. Этого я не знаю. А вот мужичков с бутылкой в руках видал, и не раз. Там у нее в калитке окошко такое, звонок рядом. Подходят, звонят, окошко открывается. Туда суют деньги – появляется бутылка. Противная баба. Зубы золотые, пальцы все в перстнях, одевается как... хм... в общем, чем-то на цыганку смахивает. Сама льстивая такая, улыбается, а глаза недобрые. Знаю таких людей – опасные, подлые. Стоит отвернуться, тут же в спину нож воткнут. Сынок ее, вот эта самая шайка – что-то вроде охраны. Наверное, еще и долги выбивают – я видел, как они грузили мужика, кричали что-то про долг, про деньги. Слушай, это же твоя земля? Почему ты-то, участковый, не знаешь, что тут происходит? Они уже год тут торгуют, не меньше!

– У меня бы непростой год, и я кое-что упустил, – промямлил я, кусая нижнюю губу. Мне было стыдно. Уж чего-чего, а шинок на своем участке я должен был засечь! То же мне, участковый! Алкаш хренов...

– Я знаю, что у тебя случилось, – Сазонов кивнул, но не стал, как я с отвращением ожидал, произносить что-то заезженное вроде «мои соболезнования», «жизнь не закончилась», «надо жить». Жизнь закончилась. И я не живу. Тело мое живет, а душа умерла в тот солнечный день. И теперь я ненавижу солнце. Люблю дождь. Облака. Снег. Но не солнце.

– Давайте все запишем – все, как случилось. И я буду работать. Только должен предупредить: скорее всего, мне нужно будет договариваться с мамашей отморозка, чтобы она воздействовала на урода и он написал отказное. Думаю, все получится. Только в дальнейшем, пожалуйста, так не делайте. Если уж решили наказать негодяя, так сделайте это тихо, без свидетелей и... наповал. Чтобы некому было заявления писать! И да – не на моем участке! Шутка, шутка! Чего вы так на меня уставились?! Шучу я!

– А мне показалось – не шутишь, – медленно, тяжело припечатал Сазонов. – Что же, это вариант. Только не хочется рук марать кровью этого говнеца. Кости ему пересчитать – одно. Завалить – другое. Я больше не на службе, пусть другие... В общем, я понял тебя. Кстати, можно вопрос?

Я помолчал, зная, о чем он спросит. И мне этого не хотелось. Но человек меня покормил, отнесся ко мне с пониманием, да и просто он мне нравится – почему бы и не поговорить? Честно сказать, я давно ни с кем не разговаривал на эту тему, и вообще ни с кем – откровенно.

– Ночные кошмары заливаешь водкой? Снятся? – Сазонов

вперился в меня взглядом, будто старался просветить, как рентген, и от вопроса я едва не вздрогнул – откуда знает? Но удержался от резкого ответа, который так и летел на кончик языка: «Вам-то какое дело?! Чего вы лезете в мою жизнь?!»

– Снятся. Заливаю, – бесцветно, глухо ответил я. – Еще вопросы?

– Не было мысли – наказать негодяя? Пойти и наказать самому? По справедливости?

– Была. И есть. Но я не смогу. Убить не смогу. Одно дело – когда на тебя с оружием. И другое – подойти и убить. И к тому же я просто до него не доберусь. А доберусь – мне не дадут ничего сделать. Но даже если сделаю – уйти не дадут. Наши же и повяжут.

– А ты боишься, что повяжут? Боишься, что окажешься на зоне?

– Боюсь. Знаю, что оттуда не выйду. Не понимаю, откуда у меня такое убеждение, но знаю.

– А ты знаешь, что скоро тебе конец? Что ты спиваешься? Что тебя в конце концов выгонят из органов, и ты окажешься на улице – без работы, без денег, больной спившийся бомж. Бомж, да, потому что квартиру тебя заставят отдать – за тобой ведь никого не будет. Это сейчас ты офицер милиции, а будешь бывший офицер! То есть никто! Подумай над этим.

– Подумаю, – угрюмо ответил я и протянул руку за дипломатом. Хватит болтовни, делом надо заниматься.

Написание объяснения отняло пятнадцать минут. Боль-

ше мы за жизнь не разговаривали. Я вообще был раздосадован, что так раскрылся перед совершенно чужим человеком. Кстати, сам не понял, почему это сделал. Будто нарыв проткнул. Забрызгал гноем сазоновскую лужайку. Отвратительно!

Мы попрощались – я сухо, Сазонов довольно тепло, задержав мою руку в своей на секунду больше, чем нужно, и глядя мне в глаза. Рука его была горячей, сильной, словно сделана из железа. Могучий мужик. И ведь по внешности не скажешь, что он так силен!

После Сазонова я направился к дому «жертвы», где уже ошивались четыре согбенные фигуры, сутулость и неряшливый вид которых не оставляли разночтений на тему «нездоровый образ жизни». Один сидел на земле – в позе орла, как будто уселся погадать, как и полагается настоящему сидельцу, годами топтавшему зону. Все «бакланы» так делают. Это вот сидение на корточках для них важнее кепочки-жиганки, модной в определенных кругах. Как тебя будут уважать, ежели ты не умеешь наслаждаться сидением на корточках?

Вот ведь человеческий мусор! Хорошие люди мрут как мухи – от болезней, в катастрофах, просто не выдерживают сердце. А эти твари живут и радуются жизни!

Помню, как выезжал на один адрес, когда дежурил по райотделу. В общем, сварщик, мой ровесник или чуть старше. Жаловался, что сердце колет. Ну колет и колет – дел-то? Все мы жалуемся, что где-то колет, в сердце или в заднице. А

этот... Ночью вышел на кухню покурить. Сел под форточку, облокотился на подоконник, откинулся на спинку стула... и умер. Так и остался сидеть – с сигаретой в руке. Мать под утро выходит на кухню – свет-то горит, может, что случилось? Тронула сына за плечо... а он уже остыл.

Вот так бывает – неожиданно-негаданно. А эти мрази живут! – Чего вытаращился? – внезапно выверился я, глядя на то, как ухмыляется мне в лицо сидящий на корточках. – В отдел захотел?

– А за что, начальник? – не испугался тот. – Я ничего не сделал. Сижу себе, курю, птичек наблюдаю. Я вообще-то сам жертва! Ты же по поводу этого отморозка пришел? Деда придурочного? Так мы тебе все расскажем, ничего не утаим! Ты только спроси!

– Спрошу. Со всех спрошу! – буркнул я и нажал на звонок возле «кормушки». Через минуту «кормушка» открылась, и женский голос с легкой хрипотцой спросил:

– Ну, чего надо? Давай быстрее! Суй сюда! Чего застыл-то?!

– Милиция, участковый! – как можно более грозно сказал я, стараясь заглянуть в «кормушку», для чего мне пришлось согнуться едва ли не в пояс. Разглядеть собеседницу мне не удалось, но она появилась передо мной сама, открыв калитку как раз в тот момент, когда я и наклонился для обозрения ейных статей. Так что получилось, будто я кланяюсь хозяйке дома в пояс, как самый ее верный холоп. И это не добавило

мне хорошего настроения.

– По поводу драки вашего сына! – пояснил я, разогнувшись и разглядывая в упор дородную статную бабу лет сорока пяти – пятидесяти, спокойно взирающую на меня с высоты своих метра восьмидесяти. Нет, это даже странно – во мне сто восемьдесят пять сантиметров, а она смотрит на меня так, будто стоит на вышке для прыжков в воду! А я при этом копошусь где-то внизу, на самом дне, рядом с обмылками грязных задниц пловцов!

Кстати, brezгую ходить в общественные бассейны. Что там с гигиеной, кто плавает в бассейне и с какими болезнями – одному богу известно. Но только не врачам-дерматологам, справка от которых стоит сущие копейки. Нарисуют тебе кристальное здоровье, даже если ты весь покрыт чумными бубонами. Деньги решают все!

Опять же, там и дети купаются, а если им приспичит помаленькому, что тогда будет? Ага, прям так и побежали они все в сортир! «Бассейн большой, не заметят!»

– Ну, пошли, – пожала плечами дама, и я зашагал за ней, привычно шаркая штаниной о бок моего бронебойного дипломата. «Все свое ношу с собой!» – вот лозунг участкового. Никогда не знаешь, где окажешься и какую бумагу потребуются исполнить. Так что лучше таскать с собой их все.

– Здесь будем разговаривать! – объявила женщина и указала пальцем на скамью под навесом. – В дом не поведу. У меня там не убрано!

Ага. Не успела убрать батареи бутылок с разлитым самогоном и бочки с брагой. Прижать бы тебя сейчас за самогоноварение, изъять образец... вот только без понятых не прокатит! Вот такое у нас правосудие. Слову милиционера не верят! А словам простых граждан – да! Так что приходится изворачиваться. Я даже в дом без ее разрешения войти не могу – сразу жалобу в прокуратуру накатает. Они это умеют. И мне, самое главное, от этого не поздоровится.

– Ну и чего? Когда этого козла закроете? – ласково поинтересовалась женщина, щуря на меня свои свинячьи глазки. – Разве можно так с человеком обращаться? Измордовал парня – на нем живого места нет! И за что?! Да ни за что! Если вы его не привлечете, я на вас напишу! В прокуратуру буду писать, начальству вашему. И в газету! Все опишу: как вы преступников покрываете, как не даете жить честным гражданам!

– Это вы-то честные граждане?! – не выдержал я. – Как язык-то повернулся такое сказать?! Честные граждане, мать вашу! Что это бражкой оттуда тянет, а? Может, посмотрим?

– Не имеешь права! – зашипела бабища и грудью встала в проходе между мной и входом в дом. – Санкцию прокурора давай, тогда и обыскивай! А без санкции – напишу на тебя! Мало не покажется! Взяли моду в дом вламываться! Это вам не тридцать седьмой год! Сталина давно нет, а вы все как при коммунистах живете!

Ах ты тварь! Да если бы мы жили при коммунистах... ино-

гда я все-таки жалею, что сейчас не тридцать седьмой год. Тогда бы всю эту мразь быстро к ногтю прижали! Только бы щелкнули, как вши!

– Послушай меня внимательно, – начал я слегка хриплым от сдерживаемого гнева голосом. – Советую тебе прикусить язычок и послушать меня внимательно. Твой сын и ты всех тут уже достали! У меня материалов достаточно, чтобы отправить твоего сынка на нары за организацию банды, а тебя – за организацию притона и самогоноварение! И если ты не сделаешь так, чтобы твой сынок заткнулся и не поднимал волну, я тебе устрою сладкую жизнь! Я буду копать под тебя, убивать твой бизнес, пока он совсем не умрет! Я устрою под твоими окнами пикет, буду ловить всех, кто сюда приходит. А еще буду рассказывать на каждом углу, что ты со мной сотрудничаешь и даешь мне хорошую информацию по криминалу в районе. И каждый раз, когда отловлю очередного злодея на своей земле, буду говорить, что поймал его благодаря тебе, хорошей женщине, помогающей правопорядку! Как думаешь, что будет в оконцовке, после того как я тебя ослаблю?

– Ты... ты... ты так не сделаешь! – задохнулась от ярости и возмущения женщина. – Ты мент! Ты должен по закону! Ты не имеешь права! Я на тебя напишу!

– Да что ты заладила – «напишу, напишу»! Заткнись! Сядь и слушай!

Женщина захлопнула пасть, облизала полные, крашенные

красной помадой губы и действительно уселась на скамью, отдуваясь, обмахиваясь газетой и с ненавистью глядя на меня так, будто представляла в прицеле автомата. Кстати – а с них станется, может, и прикопан где-нибудь ствол. Эти куркули, барыги запасливы!

– Я не трону тебя, и дело сольётся, если твой сын напишет отказное заявление, в котором укажет, что ничего не хочет и ни к кому не имеет претензий. И дружки его будут помалкивать и не трепать языком! И тогда работай, продавай свою отраву, а я тебя не трону – если только не будет указаний сверху! Если не укажут на твой притон, как на сатанинскую точку, разлагающую нравственность окрестного населения. И если ты не будешь здесь толкать наркоту. Ведь ты не толкаешь наркоту, нет?

– Нет... – ответила бабища, и я ей легко поверил. Она ответила с таким сожалением, с такой тоской, что в это нельзя было не поверить. Видать, не позволяют ей здесь толкать «дурь».

Весь город поделен на делянки, с которых собирают урожай строго определенные наркодельцы, это всем и давно известно. И этим дельцам на фиг не нужна сторонняя точка где-то на задворках.

Вообще-то сбытом наркоты по жизни занимаются цыгане, у них все это давно отлажено – еще с перестроечных времен, а может, и раньше. И цыгане в свою теплую компанию новичка не допустят – гарантия! Прирежут на хрен... а дом со-

жгут.

– Кстати, я еще и цыган на тебя напущу – скажу, что ты наркоту здесь у меня сбываешь. Мол, цыгане идиоты, как ловко ты их накалываешь! Как думаешь, поверят? Может, и поверят. А может, и нет. Но жизнь тебе могут осложнить. В общем, у меня полно способов испортить тебе жизнь, а у тебя нет ни одного испортить ее мне. Написать прокурору? Да мне плевать! Хоть десять раз пиши! Но тогда ты тут точно работать не будешь. Поняла?

– Поняла... – Бабища тяжело вздохнула и плачущим голосом вдруг заканючила: – Ну что вот вы привязались к одинокой женщине? Живу себе, никого не трогаю! А что люди ко мне ходят, так это меня уважают! За советом идут, за помощью!

– За советом, как лучше разлить по стаканам? Не блажи, не строй из себя дуру! Завтра с утра пойдешь к сыну и скажешь, чтобы он написал отказное, когда я к нему приду. И пообещай мне приструнить своего отморозка, чтобы не вязался к прохожим и вел себя поскромнее. В другой раз его просто убьют!

– Убьют, когда-нибудь убьют... – горько вздохнула женщина, глядя куда-то вдаль над моей головой. – Молодежь, ведь она сейчас какая – совсем без тормозов. Мать не слушают, законы не исполняют.

«Какие законы? – подумал я. – Воровские, что ли?» А она продолжала жалобно сетовать:

– И доводит это их до греха. А матерям плакать!

Бабища и вправду заплакала – навзрыд, по-настоящему, без актерских ухищрений. Или, может, она была гениальной актрисой, если умела так достоверно плакать. Что, впрочем, не имеет никакого значения для моего дела.

– Так что, мы договорились? – ничуть не купившись на горькие слезы, спросил я, поглядывая на дымок, идущий из трубы над пристройкой к дому. Варит, сучара! Первач небось сейчас из трубки капает, сивуха!

– Договорились! – кивнула женщина, утирая глаза невесть откуда появившимся платочком. – А можно я вас попрошу?

О! Уже на «вы»! Прогресс, однако. Впрочем, и немудрено – эти твари подчиняются только силе. Покажешь, что ты сильнее, вот они и твои. Дашь слабину – они о тебя ноги начнут вытирать.

– Проси, – равнодушно пожал плечами я.

– Нельзя ли договориться, что вы будете моей крышей? Ну там... прикрыть иногда, если ваш ментовский рейд, или наедет кто из ваших или наших... Сможете приехать, раз-рулить? Я платить много не могу, бизнес не очень-то идет, но что смогу – заплачу! Зарплаты-то у вас маленькие, жить трудно... а я помогу!

Что происходит! Шинкарка меня, несчастного мента, пожалела! Сейчас я весь на слезы изойду от умиления! В ноги ей паду!

– Деньги мне твои не нужны, – задумчиво начал я, по-

скольку в голову пришла хорошая идея, – а вот информация... мне информация нужна. Кто кого грабанул, кто вещички сдал, и какие. Ведь ты и вещи принимаешь в уплату, уверен. Только не ври, что это не так! Я не первый день на свете живу! Будешь мне стучать, а я тебя прикрывать... по мере возможности. Обещаю! Будешь спокойно работать.

– Договорились! – довольно кивнула женщина и, понизив голос, заговорщицки сообщила: – Слышали, на днях ларек Армена подломали? Кассу выгребли, водки набрали? Так это Митяй Косой с дружками, сам мне хвастался. Мол, крутой весь из себя. Так что вот – я стараюсь! Чего еще услышу – сообщу.

Я дал женщине визитку со своим номером (у всех участковых были визитки – от РОВД, эдакие серо-коричневые поганки с пустографкой, в которую надо было вписать свой номер телефона) и через десять минут уже шагал по переулку – сытый, довольный, как удав, проглотивший трех кроликов и одного адвоката. Если бы все дела решались так быстро и элегантно! Хорошо, что баба оказалась совсем не дура, вот только надо ли мне такую стукачку? Ведь и на самом деле придется ездить к ней и разруливать. Агент ведь, а правильный мент агентов на произвол судьбы не бросает!

Итак, дело, в общем-то, сделано. К уроду в больнице схожу завтра. Не надо торопиться.

Проходя мимо дома Сазонова, не удержался и козырнул – нет, не так, как положено, а на манер американцев. Шутли-

во, само собой. И никакого преклонения перед гнилым Западом!

Ох уж этот пресловутый «гнилой Запад»... Слышу о его загнивании с тех пор, как мало-мальски вошел в разум и начал осмысливать политические лозунги. Советский человек всегда был политизирован донельзя и всегда знал, что живем мы счастливо, сытно – лучше всех на свете. Запад – гнилой, Союз – великий, и совсем даже не колосс на глиняных ногах. И Западу, клеветущему на могущество нашей великой страны, жить осталось всего ничего – до тех пор, пока рабочий класс не сбросит свои оковы, наложенные жадной буржуазией.

Увы, рабочий класс набрасывал на себя все больше оков, и тому обстоятельству искренне радовался, а вот Советский Союз оказался колоссом на глиняных ногах, рассыпавшись в кучу трухи, именуемую теперь Содружеством.

Досадно, больно и горько. И теперь вдруг оказалось, что живет эта гнилушка Запад лучше всех и нам нужно ползать перед этой гнилушкой на коленях, дабы нас ласково потрепали по грязной, в репьях, холке – как жалкого бродячего пса.

Нет, я не вперивался в телевизор, ловя каждое слово наших политических лидеров, как это делает простой обыватель. Мне теперь было все равно. Неинтересно. Пусть расхлебывают без меня, мерзавцы. Угробить ТАКУЮ страну! За это надо просто сжигать на кострах! Чтобы не поганить

их мерзкими телами родимую землю!

Я думал эту мысль, когда ехал домой, в расчете пере-хватить пару часов сна перед вечерним марафоном. Прием участковые ведут с 19.00, так время у меня еще есть. Я сыт, дело сделано – почему бы и не отдохнуть?

Промелькнула мысль вообще сегодня не ходить в опор-ный – сегодня не мой день обязательного приема граждан. Но я эту мыслишку отбросил как провокационную, забро-шенную мне в голову маленьким бесенком по имени Лень. Ну не схожу я, а кто за меня исполнит мои бумаги? В мен-товке будут терпеть твое пьянство (если не переходишь чер-ту), твое раздолбайство вроде замуток с замужними бабами жителей участка, твои поборы с лавочников, но, если ты не исполняешь бумаги, на хрена ты такой в милиции нужен? Даже если всего вышеперечисленного из «косяков» у тебя не имеется.

Участковый – это что-то вроде огромной коровы, переже-вывающей силосную массу бумаг и дающей молоко в виде отказных, объяснений, рапортов и протоколов. Если ты не можешь переработать этот «силос» – иди на бойню. Или на вольные травы. Бизон ты американский...

Открыл квартиру ключом, выуженным из глубокого кар-мана, и с облегчением ввалился внутрь, будто сунул руку в старую, грязную, разношенную, но такую удобную перчатку.

Единственное место в мире, где меня никто не тронет, где меня не побеспокоят и где я царь и бог (иллюзия, конечно,

но все-таки!). Даже телефона у меня нет! Так что ни одна сука не потревожит мой отдых мерзкой трелью этого дьявольского приспособления, созданного Сатаной только для того, чтобы отрывать от отдыха всяческих хороших людей. Вроде меня, любимого.

Сбросил ботинки, с наслаждением пошевелил пальцами ног. Едва не застонал от наслаждения и от боли в натруженных ногах. Попробуй походи целый день в такой обуви! Поубивал бы тех, кто придумал форменные ботинки!

Пошел к дивану, плюхнул на пол дипломат, бросился на несвежую простыню – как был, в одежде. Простыне это уже ничем не повредит. Скорее наоборот...

Закинул руки за голову, усталился в потолок. Условно белый потолок, с отметиной в том месте, куда попала пробка от шампанского – наш последний Новый год с Машей и Настенькой. Наш последний год...

Разбередил душу Сазонов. И правда, а какого черта я боюсь? Ну чего мне бояться? Цепляюсь за остатки своей прежней жизни? Мол, сяду я, и кому достанется эта квартира? В которой мы жили, любили друг друга, растили дочку... Чужие люди будут спать на этом месте, чужие люди будут расхаживать по этому полу, по которому топали маленькие Настенькины ножки. Да? Да. Но, когда я сдохну от пьянки или от того, что вывалюсь по пьяному делу с пятого этажа, разве тут будут не чужие?

Только вот мои близкие останутся неотмщенными. Толь-

ко долг не будет выплачен.

И что делать? Я ведь сейчас совершенно никудышный! Ну совсем никудышный!

Что я могу? Ну, вот захочу я застрелить гада – из чего буду стрелять? Из табельного «макара»? Можно, да. Одного. А остальных? Он же не один был! Я их всех помню – всю «бригаду» уродов, которые радовались решению суда! А судья? Он виноват не меньше, чем тот, кто сидел за рулем! Он останется на месте? Будет так же выносить решения в пользу тех, кто заплатит ему больше денег? Будет. А я уже сгину. Меня уже не будет. Скорее всего, пристрелят на месте – уж они-то церемониться не будут, это не наши менты, боящиеся даже пукнуть в сторону поганой бандитвы – а вдруг сочтут превышением служебных полномочий?! Вдруг отправят в народное хозяйство?!

Итак, Андрюха, давай-ка рассмотрим этот великий план со всех сторон. Как наказать негодяев и при этом подольше остаться на плаву? Чтобы не срубили влет, пока не закончил свое богоугодное деяние? Или не богоугодное, но – деяние.

Что мне нужно? Во-первых, решить, какое оружие выбрать для нанесения удара подлецу. Первое, что приходит в голову, само собой – пистолет. Или винтовка. И то и другое для меня как авторучка для хорошего писателя – владею гораздо выше среднего уровня. Давно не тренировался, да, но можно это исправить. В конце концов, есть же и стрелковые секции. Пойти и попросить о тренировках. Придется запла-

тить, конечно, но...

Кстати, а каким пистолетом я владею лучше всего? «Марголин», без всякого сомнения. Малокалиберный пистолет калибра 5,6 мм, десять патронов, вес почти килограмм – 900 граммов, если быть точным. Надежная, давно проверенная машинка. Железный лист в миллиметр прошибает только так, на раз! На двадцати пяти метрах пробивает доску сороковку – навывлет! Так что, если кто думает, что «марголин» – нечто вроде пневматической пукалки, он жестоко ошибается.

И есть у него еще два замечательных свойства. Для киллера замечательных. Во-первых, звук выстрела из «марголина» не такой громкий, как из того же «макара». Можно сказать, почти что с глушителем. Если кто услышит, решит, что петарда сработала – их сейчас идиоты малолетние по всем дорогам разбрасывают. Дорвались до китайской дребедени, только шум стоит! Я бы вообще запретил всякую такую дрянь. Фейерверки – от них только вред. Выбитые глаза, ожоги, спаленные дома и квартиры. Развлекаются, идиоты!

Второе – пулю из «марголина» почти невозможно идентифицировать. Главное, подобрать гильзу. Почему нельзя идентифицировать? Мягкая свинцовая пуля, попадая в объект, сильно деформируется. Вот и все.

Кстати, если на «марголин» еще сделать простой глушитель (а это совсем не сложно), выстрел вообще почти не слышно. Вот только говорят, что уменьшается пробивная

способность и кучность... Впрочем, это же не спортивная стрельба. Подошел, выстрелил в башку с расстояния метра три, и в бега.

М-да... вот тут и возникают проблемы. Какие? А вот такие: как подойти на эти самые три метра? То есть я, такой весь из себя мститель, строевым шагом подхожу к объекту, спокойно достаю ствол, стреляю в голову и так же спокойно ухожу? Я еще не спятил, чтобы думать, что так будет. Кстати, один раз может и прокатить. А потом все остальные объекты не подпустят меня и на пять шагов.

А если из снайперской винтовки? Зачем мне пистолет? Почему я заиклился именно на пистолете? Потому, что я хорошо стреляю именно из пистолета, именно из «марголина», а со снайперской винтовкой, увы, никогда не работал. С боевой винтовкой, типа СВД. И как я уже говорил – пулю из «марголина» идентифицировать нельзя. А боевую пулю – можно. Я же не такой богач, чтобы тут же выбрасывать дорогое оружие. Не выбросишь – вот ты и спалился. Я же мент, знаю!

Стоп! А если использовать малокалиберную винтовку? Пусть она на дальнее расстояние и не стреляет – на ста пятидесяти метрах пули по нормативу (с оптикой, конечно) укладываются в круг семь-восемь сантиметров. На сто метров – в пределах пяти сантиметров. А мне это и надо. Только вот спортивная мелкашка однозарядна. Мне такая неудобна. Нужен малокалиберный карабин, ТОЗ-78. Карабин про-

дается в магазине, а я в дружеских отношениях с Семенным, отвечающим за разрешительную систему, и потому мне получить разрешение на приобретение не составит особого труда. Литр коньяка, и все. Нет, конечно, бумажки все равно придется собрать, тут спора нет! Например, от местного участкового, который посмотрел, что у меня есть шкаф для хранения оружия. Но что, участковый откажет участковому в такой малости? Вдруг еще самому придется ко мне обратиться, чем черт не шутит. Ворон ворону...

Глушитель на винтовку придется сделать. Вернее, на карабин. Охотничий карабин. С этим проблем не будет. Сейчас токарей пруд пруди, сидят без зарплаты. Много не возьмут. А глушитель – очень, очень нужная вещь! Во-первых, не видно пламени, а значит, не определишь, где я сижу, – особенно в темноте.

Во-вторых, и главное: если не слышно звука, то также не узнаешь, откуда стреляли. Прилетела пуля, и ага!

Карабин короткий, легкий, спрятать его довольно просто – если ты на машине. Так что проблем не возникнет.

Вообще-то проблема теперь у меня только одна – деньги. Деньги! На что я куплю карабин? На что куплю машину, патроны, сделаю глушитель? Где взять деньги?

А если продать квартиру? Вот и деньги будут. Только вот жалко. Совсем буду бомж. Жить-то тогда где? Снимать? У меня и постоянной прописки тогда не будет, и как работать в милиции? Нет, это чушь. Квартиру трогать нельзя. Что, я не

смогу заработать денег на своей земле? Все зарабатывают, а я не смогу? Хм... может, и не смогу. Я ведь вообще-то не умею. Деньги зарабатывать не умею. Речь, конечно, не о зарплате, речь о настоящих деньгах! Каждый опер обязательно крышует какие-то организации – если только их не крышуют бандиты. Хотя, кстати, одно другому частенько и не мешает. Бандиты крышуют от бандитов, менты от ментов. У нас город «красный», тут менты рулят, но и бандитских крыш пруд пруди!

Отстал я от жизни. Во всех смыслах отстал! Я где-то там, позади, в Советском Союзе, там, где не «ставили крыши» и где мне жилось счастливо и хорошо.

Я усмехнулся – странное сейчас ощущение, будто я плыл под водой и внезапно выставил голову наружу. И чудо! Все предметы, которые казались мне искаженными и мутными, приобрели форму и цвет!

Вот только что делать с новым восприятием жизни – я не знаю... или знаю?

Ладно, надо думать, на чем заработать. Кстати, та же шинкарка, она ведь предлагала мне денег! Интересно сколько? А сколько еще по нашей зоне таких шинков? Шинкарка может дать информацию. И даст. Куда денется? Даст! Закрывать ее бизнес – раз плюнуть. Потому что я могу подослать мужичков с мечеными деньгами, купить товар, выломать двери, войти и составить протокол, вынести незаконные перегонные аппараты, брагу – все, что найдется. И будет уголов-

ное дело! И бизнес прихлопнется! Так что рисковать ей ни к чему.

Противно? Да, противно. Но это только ради дела! Ради правильной, хорошей цели! А где еще взять деньги? Ну не банк же грабить?! Хорошая идея, кстати. Только бесполезная. Нет, я не испытываю никакого почтения к этим грабителям, но... Нет, не грабителям банков – к банкам-грабителям. Соберут денег, и... хлоп! Разбегаются! С деньгами клиентов! А если дадут кредит, то под такие грабительские проценты – что кроме мата нет других слов. Ну да, инфляция, бла-бла-бла... Грабители чертовы! Однако ограбление банка требует слишком больших усилий, и оно слишком опасно. Вульгарно застрелят, да и все. И кончится мой путь самурая, не начавшись.

В общем, буду думать, как заработать.

Хм... и вот еще что: а если откажет оружие? Если придется драться в рукопашной? Увы, тут мои шансы не велики. Те же бандиты – в основном спортсмены, боксеры, борцы, парни крепкие, сильные, попробуй-ка их одолеть! Ну да, я тоже не хилак. Но против человека, привыкшего к реальной уличной драке, человека, который получил своего мастера или КМС в единоборствах, – ни малейшего шанса. Это все равно как выйти на дуэль с мастером спорта по стрельбе. Со мной.

Хотя... вот тут как раз шанс-то есть, пуля – она дура. А против мастера спорта по самбо или чемпиона города по

боксу – я как дитя против взрослого. Помню, как я ввязался в спарринг с КМС по дзюдо. Он меня валял так нехотя, так скучно и без огонька, что я понял – приложи парень чуть-чуть побольше усилий, он размажет меня по ковру, как соплю. И как с таким сладить? Да, я занимался карате и рукопашным боем. Ну и что? Против простого неподготовленного человека и даже двух – кое-что могу. Против профессионала – нет.

Спортивное карате, оно вообще что-то вроде балета. Удар обозначается, не более того. Вот когда боксом занимался – там было, да. Настоящий боксер уложит спортивного каратеку на раз. Уверен в этом. Уложит, потому что привык отдавать удары и получать в ответ. А каратека – нет. Я не беру какого-нибудь мастера карате, черный пояс или мастера контактного карате. Обычный чел, отходивший в секцию пару лет и не особенно утруждавшийся в деле достижения совершенства. Равный по уровню боксер уложит его безо всякого сомнения.

И кроме всего прочего – я просто пропил свое здоровье, свою силу и ловкость. Никаких занятий, водка, дурное питание – я тощий уже, как скелет. Куда мышцы делись, хрен их знает. Жилы одни остались. Жилы да кости. Пальцы трясутся... я и попасть-то издалека, наверное, теперь не смогу!

Хм... размышлялся. Будто «марголин» у меня уже за поясом торчит. Где мне взять пистолет-то? Даже с деньгами – где его купишь? Они все на учете! С карабином попроще...

хотя и тут геморроя хватает.

Незаметно я задремал и очнулся только через два часа. Как ни странно, мне ничего не снилось, хотя я и не заглушил себя водкой. Будто мои мысли про месть, про мои планы воздать по заслугам подлецам мне помогли, выжгли из головы кошмар, который преследовал меня весь последний год. Впрочем, это пока получилось только раз, и то – днем. Ночью все начнется заново. Наверное.

Бросил взгляд на часы, быстро поднялся с дивана, натянул ботинки, взял в руки свой пластиковый «гроб» и снова отправился на работу. Попробую сегодня пару материалов исполнить. Вначале психичку вызову, потом схожу по адресу – розыскное из Иркутска исполню. Нужно установить, проживает ли по такому-то адресу такой-то человек. Обычное дело. Опрошу тех, кто там живет, и все.

Снова автобус, снова дорога. Я стараюсь платить за проезд – пусть подавятся. Не обеднею. А каждый раз выслушивать эту вонь про «мусоров-халявщиков» – никаких нервов не хватит.

У входа в пикет стояли трое пэпээсников. Я с ними со всеми поздоровался за руку. Если бы это был фильм о ментах – сейчас бы пэпээсники должны были отдать честь старшему по званию, назвав меня «товарищем лейтенантом». Ну как же – сержант, рядовой, старшина, а я аж лейтенант! Ну уж нет – хорошо, если на хрен не пошлют, когда я потребую от них такое смешное действие. Это не армия, это ментура. А

тут правила свои.

Старшина – нерусский, кавказец. Ибрагим. Нацию не знаю, да и какая разница, какой он нации? Интересно, как его вообще приняли на службу? Он с трудом разговаривает по-русски! Времена такие настали, планка поступления в милицию снизилась ниже плинтуса. Когда я устраивался в милицию, опрашивали наших соседей – не буйный ли я, не хулиган ли, что они обо мне думают. На самом деле было – участковый ходил и опрашивал! А сейчас? Отписки сплошные. Черкнул бумажку, и ладно.

Нет, я сам-то честно опрашиваю... пару соседей, когда и мне пришел такой запрос. А другие ничего не делают. Бумажку подмахнут, и все. А то еще и за деньги – слыхивал я и про такое. Деньги, деньги! Где вас добыть, проклятые деньги?!

На стульях, стоявших вдоль стены пикета, сидели с десятков студентов юридического. В ДНД пришли. Обязаловка такая! Хошь не хошь, а сходить должен. За центральным столом в главной комнате сидел старший участковый Гаранкин и, важно поглядывая по сторонам, составлял протокол. Его нос, слегка сдвинутый набок, едва заметно шевелил кончиком, и выглядело это немного смешно, несмотря на важный вид Гаранкина. Он вообще любил изображать из себя важного начальника, старший участковый, – есть такой у него пунктик.

Я с ходу прошел в кабинет, где стояли четыре наших сто-

ла, здороваться с Гаранкиным не стал – виделись утром, на планерке. Да и отрывать от дела не хотелось.

Уселся за стол, положил на него дипломат, открыл и начал ковыряться в бумагах, прикидывая, что нужно сделать в первую очередь. Выбрал четыре материала, положил на стол. Достал отпечатанные типографским способом бланки повесток, быстро написал на них адреса, фамилии и, выйдя в главную комнату, поманил к себе только что вошедшего старшего группы, Ваську Метелина, парня моего возраста, который уже успел повоевать и каким-то образом пробился на учебу в юридический. Вроде как по лимиту для героических военных – есть у нас такие лимиты в вузах, как я некогда узнал.

Вот только воспользоваться своим правом могут совсем не все те, кто получил от государства отличия за храбрость и другие ничего не стоящие в реальной жизни разного рода награды. Почему я так непатриотично говорю? Потому что знаю, как это делается: навесили железяку и забыли о ветеране – мол, все, что могли, сделали. А там уже кормись сам. И что он будет делать? Чем кормиться? Если только и умеет воевать да драться. Ну и прямая дорога в бандиты. Если только вовремя не перехватит ментура и не вошьет его в свои стройные ряды Воинов Света. Ни реабилитации, ни помощи на гражданке – человек кровь проливал за Родину, а его пинком под зад, и все! В народное хозяйство!

Армию сократили – в угоду западным кураторам, вот те-

бе и результат. В стране бродят толпы неприкаянных людей, умеющих только убивать и... убивать. Вредительство чистой воды! Всего за год армия уменьшилась на 400 тысяч человек! И куда они пошли? Понятное дело куда.

Васька переговорил со своей гвардией, и они сорвались с места, если можно назвать «срывом» медленное, с недовольными гримасами и кряхтением выдвижение в коридор. Да, контингент уже не тот... студент совсем другой пошел. Денежный! За деньги поступают в институт, все отношения – за деньги.

И я вернулся к своему столу. Кстати, в кабинете находился и капитан Городницкий, личность в чем-то даже интересная. Старый служака, себе на уме. Казалось, он должен стать старшим участковым в этом опорном. Но поставили Гаранкина. По слухам, Гаранкин вась-вась с начальником отделения участковых. Впрочем, это было видно и так, без слухов, по тому, как они время от времени решают некие проблемы, запершись в кабинете начальника отделения.

Этот самый начальник отделения – нерусский. Кавказец. Но в отличие от постового, едва спустившегося с гор, – человек образованный, подчеркнуто аккуратный, воспитанный, даже матом никогда не ругается. Хадриев Хадри Ибрагимович. В принципе, вполне неплохой мужик, лишнего не требует, никогда не повышает голос до крика и не высказывает тупых начальнических мыслей. Говорит и делает только то, что требуется для службы, не более того.

Единственное, что можно было бы поставить ему в минус, – в отделе стало гораздо больше кавказцев. Его ли это «вина» или просто так сложилось, не знаю. Но я давно уже замечал: стоит одному кавказцу выбиться в начальники, тут же в этой организации появляется еще несколько его земляков. Закон природы такой, что поделаешь.

Впрочем, и это я могу понять. Клановая система, попробуй откажи землякам! Ведь у него вся родня там! Не поможешь, от родни отвернутся все соседи. А для кавказцев с их клановой системой это смерти подобно.

Хадриев вроде как дагестанец, и тем удивительнее, что он вовсе не горячий до безумия человек, какими бывают многие представители этого народа. Это ему в плюс.

А в остальном он никакой. В смысле – ни плохой, ни хороший. Он от меня страшно далек, и, только когда я накосячу, он или пытается меня вытащить (дабы самому потом не попасть под раздачу), или пишет сопроводилку на заклание, если другого выхода нет. Не друг он мне. Но и не враг. Впрочем, как я уже говорил, друзей в ментовке быть не может. Максимум – приятели.

Городницкий писал что-то свое, я – свое, и так в молчании прошло около часа, пока в кабинет не постучался и не вошел первый персонаж сегодняшнего действия.

Это была женщина лет тридцати с небольшим, довольно-таки симпатичная, хорошо, со вкусом одетая, только без единого следа косметики, что для молодой женщины, выхо-

дящей в люди, совершенно нетипично.

Прикинул: если ее «раскрасить», она станет совсем уже красоткой, такой, что ею может соблазниться и лейтенант милиции, давно не допускавший дам до своего комиссарского тела.

Ругнулся – что это сегодня со мной?! Раньше бы и мысли такой не возникло! При живой Маше, потому что кроме Маши мне никого не было нужно. А когда ее не стало, кроме бутылки меня ничего не интересовало. А тут вдруг вот, откуда ни возьмись, появился... хм... эрекция, в общем, появилась! Почти. И на кого?! На сумасшедшую бабу!

Да, это была именно она – плод преступного эксперимента безумных ученых, возвращенных в лабораториях КГБ! А где же еще? Конечно, там! То биогенератор сделают, которым прижаривают настоящих коммунистов (вариант – либералов), то кровь перельют этой вот дамочке от ее же сестры! Чудесники, одно слово!

– Мне нужен участковый Каргин! – мелодичным голосом заявил невольный объект моего сексуального возбуждения, и я вдруг с досадой подумал о том, как нехорошо делает бог. Вот зачем он лишил разума такую красотку? Что, не мог найти кого-то пострашнее? Алкаша какого-нибудь?

Хм... насчет алкаша – это я поторопился. Боже, не слушай меня! И дай мне холодную голову, горячее сердце и нетрясущиеся руки, когда я начну фигачить этих подлецов!

Ох ты ж... а я ведь все решил! Окончательно решил! Это

не какие-то там мечты и влажные страдания! Я принял решение!

– Я Каргин, – бесцветным голосом объявил я и, показав рукой на стул напротив себя, предложил: – Присядьте, пожалуйста.

– Я постою! – напряженно-звонящим голосом объявила дама. – Зачем меня вызвали? Ваши люди ничего мне не пояснили? Ответьте, зачем вызвали, и я пойду домой!

Ну вот что тебе ответить? Что сейчас я вызову «Скорую» психиатрическую? Что тебя отправят в больницу, где продержат не меньше месяца? Что твоя родня написала на тебя заявление, потому что ты их не пускаешь домой? Что мне нужно задержать тебя как можно дольше, чтобы эта проклятая «Скорая» наконец-то добралась до нас после вызова? А я знаю, как они добираются! Пока они чай попьют, пока партию в дурака доиграют, пока встанут, заведут свой раздолбаный «уазик», часа два пройдет, не меньше. Это же не настоящая «Скорая», это больничная машина, никуда не торопящаяся. Так что не спеши, дорогая, посиди и потерпи, пока мы тебя обманом не отправим в крошечный ад, то есть в областную психиатрическую больницу.

– Посидите. Я сейчас звонок сделаю, и мы поговорим по вашему заявлению. Мы должны вас обязательно опросить! Вы же отправляли заявление прокурору?

– Да, отправляла! – кивнула женщина, неестественно блестящие глаза которой будто светились изнутри, тем огнем,

который сжигает всех сумасшедших и одержимых бесами. Что, впрочем, наверное, суть одно и то же.

– Ну вот видите – для вас и работаем! – как можно более лучезарно улыбнулся я, довольный хотя бы тем, что выманил несчастную из ее забаррикадированной квартиры. Вот что делать, если бы она не пришла? Заява от родни-то есть! Брать постановление прокурора, вести слесаря, резать дверь или отжимать. Вязать несчастную, рискуя получить нож в нежное мое подбрюшье. А оно мне надо? А вот так – чисто, элегантно, быстро!

– Семен Викторович, начни опрашивать, пожалуйста, чтобы нам время с дамой не терять! – и кладу ему на стол заявление дамочки с красной резолюцией прокурора: «Проверить, не состоит ли на учете у психиатра, и принять меры». А чего тут проверять? Все стоящие на учете потенциально опасные кадры у меня выписаны в тетрадку. Их же посещать надо регулярно. По графику. Ну и... вот – Лебедева Мария Ивановна. Мария... Маша... ох ты ж...

Я вышел в приемную, набрал «ноль три», обрисовал как мог ситуацию невозмутимой дежурной, выдавшей виды, и пошел дожидаться приезда дюжих санитаров дурдома.

Кстати, вот же где мерзкие рожи! С ними могут сравняться только цирики на зоне или в СИЗО! Или самые отмороженные бандиты. За одну рожу сразу можно сажать, ей-ей!

Впрочем, у меня, когда я с похмелья, физиономия тоже... не Ален Делон, чего уж себе-то шибко врать. Просто они

мне не нравятся. Слыхивал я, как санитары обходятся с больными, – почище, чем цирики с заключенными. Чуть что – текстолитовой дубинкой в лоб. А сдохнет – сактируют, мол, помер от сердечной недостаточности. А что ушибы по телу и башка проломлена, так на то он и сумасшедший, катился по лестнице и ступени считал головой. И доказать обратное невозможно: во врачебной среде круговая порука, тем более у психиатров, которые всегда работают на грани закона.

Любого можно объявить сумасшедшим – лю-бо-го! Или довести до сумасшествия – если захотят. Вспомнить только «Полет над гнездом кукушки». Только там, в ИХ больничке, условия просто царские. У нас – гораздо, гораздо хуже!

Мой приятель технарский, Федька Зыкин, некогда косил от армии, вытягивая на статью «Головные боли». Всех таких «головняков» на время проверки отправляют в стационар, в областную больницу, в палату, где содержат тех, кто либо решил откосить от армии, либо на самом деле придурок, или тех, кто совершил во время службы какое-нибудь преступление, и отцы-командиры решили отмазать себя от неминуемой расправы. И его, преступника, само собой. Что с дурака взять – он же дурак! А значит, у его командиров не начнется звездопад. С погонов. И не отправятся они в народное хозяйство по дискредитирующим их мотивам, после чего не смогут устроиться и самым завалющеньким дежурным в вытрезвитель.

Так вот, общались мы тогда с Федькой, порассказал он

мне, что в больнице происходит. Жуткое это место. В палате человек пятьдесят, не меньше. Кроватей не хватает, кто-то спит прямо на полу. Матрасы старые, часть из них пропитана уже высохшей мочой и воняет, как три бомжа. У некоторых отправленных в больничку реальный энурез, и они, естественно, мочатся под себя. Вечером драка за матрасы, в которой побеждают сильнейшие. Слабые спят на вонючих матрасах, на полу, а на следующий день они же, как всегда и бывает в уголовном «коллективе», исполняют всю грязную работу – моют полы, которые должны мыть все по очереди, подметают, носят еду, в общем, всячески шестерят сильным палаты сей.

Свет не гаснет ни днем, ни ночью, дверь туалета с дырой – от середины двери и до пола, чтобы было видно, что в туалете творят. Санитары время от времени смотрят в глазок. Да, дверь стальная, отпирается только снаружи. Кормушка, на окнах решетки – настоящая тюремная камера.

Впрочем, и немудрено, что как камера – некоторые из этих обследуемых реально опасны. Что хуже преступника? Только сумасшедший преступник. И в эту вот палату попадают обычные призывники, «косилы», и взаправдашние полудурки. Попадают в ад. После которого можно только мечтать отправиться в армию! Может, для того все и устроено адски? Впрочем, скорее всего, это не так. Настоящая причина – идиотизм и раздолбайство тех, кто такое устроил.

В больнице и женское отделение есть. Так, со слов Федь-

ки, у женщин еще покруче бывает. В их отделение врачи поодиночке боятся входить. Врачи-мужчины. Того и гляди изнасилуют. Там содержится много нимфоманок – родные обычно их сдают в больничку, когда девица пускается во все тяжкие, превращаясь в бесплатную давалку для каждого встречного-поперечного. Болезнь, мол, что поделаешь. Вот и сплавляют ее на лечение – чтобы хоть немного отдохнуть от творящегося с ее подачи беспредела. И оправдаться перед родней и соседями – не потаскушка, а больная, есть же разница!

Кстати, у меня на участке одна такая есть – страшная девица, а в глазах сумасшедший огонь. Только дай мужика! Глазки мне строила – я аж мурашками покрылся. От такой чего угодно можно ожидать! Того и гляди в пах вопьется да на диван завалит! Бррр...

Да, про Федьку – отсидел он там свой «срок», получил вожделенную статью, но... в армию все равно загребмел. В стройбат. На Алтай. В роту, где на восемьдесят процентов были одни даги. Вот там он и хлебнул горяшка по полной. Когда после армии мы с ним встретились, он мне немного рассказал – завшивел, ногу ему сломали. А когда попытался отбиваться – отправили на губу, где регулярно и сидел. Как выжил – самому не ясно. Вот и не верь после этого в карму. Хотел ускользнуть, а Провидение – бах! И наказало.

А в конце концов Федька по жизни спятил. По-настоящему. Паранойя развилась. Ему стало казаться, что его высле-

живают, что вокруг дома ездит белая машина и там сидят убийцы. А еще они транслируют ему в мозг музыку, лай собак, голоса, чтобы он совсем уже спятил.

Что потом с Федькой было, не знаю. Не видел его уже лет десять. Разнесло нас с ним в разные стороны. Да и слава богу. Опасаюсь я сумасшедших – мало ли что у них творится в больном мозгу? Повернешься спиной, а он тебе в спину ножичек-то и всадит, решит, что ты пришел его убить.

«Скорую» психиатрическую ждали три часа. Два часа мы попеременно с Городницким удерживали женщину, пытавшуюся покинуть опорный, якобы записывая за ней все ее измышления, засыпая всевозможными вопросами, какие только пришли в голову. На самом деле мы или писали свои бумаги, или рисовали на листочке фигурки людей и всевозможные геометрические фигуры.

На третьем часу выдохлись оба, не осталось никаких вопросов, не осталось ничего, кроме желания, чтобы эта психическая исчезла из нашего кабинета, унесясь на белоснежной машинке с красным крестом. Но машинка не ехала и не ехала, и когда дама порывисто встала и сообщила, что отправляется домой – «хватит меня мариновать!» – Городницкий тяжело поднялся и жестким, неприятным голосом приказал:

– Сидеть! Никаких «домой»! Сидеть и ждать!

Ну... дальше все пошло очень плохо. Визг, дикие вопли, растопыренные в стороны руки с наточенными ярко-красны-

ми когтями – ну сущий оборотень, да и только! Только что на стуле сидела интеллигентная, со вкусом одетая женщина, и вот вместо нее уже монстр, готовый растерзать, искушать, заплевать – в общем, сделать все, что может сделать человек в ее положении, неожиданно и вероломно лишенный свободы воли. Пришлось, увы, вязать.

Честно сказать, мне ее было жалко. Но себя – еще жалче. Стоит больную отпустить, она тут же забаррикадируется у себя в квартире за железными дверями, и тогда начнется долгая и трудная эпопея по извлечению жемчужины из раковины-жемчужницы, находящейся на глубине двадцати метров. Нет уж, немного потерпеть – и мы от дамы избавимся.

Да, пришлось ждать еще час. Санитары, что приехали, были здоровенными похмельными мужиками в не очень чистых халатах. Они без всяких церемоний подхватили испуганную, тут же притихшую даму и унесли ее в медицинскую машину, такую же грязную, ржавую и неприятную, как и они сами. Жалко было даму, да, но... мы все облегченно вздохнули. Место сумасшедшего – в психиатрической лечебнице, и только так. Нечего им портить настроение нормальным людям.

Впрочем, а кто нормальный-то? Я, что ли? Может, потому мне и было ее жалко, что я сам сумасшедший, который борется со своим сумасшествием, заливая больной мозг раствором этилового спирта! И я живо представил: когда-то и меня так двое дюжих санитаров, воняющих потом и перега-

ром, поволокут в ржавый «уазик», чтобы там, без свидетелей, сделать со мной все, что придет в их извращенные больные головы. Бррр...

Ну да, я, конечно, преувеличиваю, но... суть от этого не меняется.

Кстати сказать, вдруг подумалось: а я ведь сегодня перед вечерним дежурством и не выпил! Ни грамма не выпил! Хотя водка дома и была. Лежал, думал, строил свои зловещие планы – и не выпил!

Хватит, наверное. Совсем – хватит! Надо за себя браться. Раз уж решил делать то, что я решил. Спорт, тренировки в единоборствах (надо будет снова пойти к Герову), пойти в стрелковую секцию – есть же в городском парке стрелковый клуб, ну вот туда. Хм... а если попросить Сазонова научить меня спецприемам? НАСТОЯЩИМ спецприемам, а не той лабуде, что учат в спортивных секциях? Ну а что – за спрос меня не побьют, Сазонов мужик хороший, по всему видно.

Завтра, после обеда, к нему и схожу. Только вот разберусь с тем уродом, из-за которого все началось, с сынком шинкарки, – и зайду. И почему я сразу об этом не подумал?

Домой добирался довольно долго. Автобусы вечером ходят плохо. Раньше я удивлялся, почему так, а потом узнал – специально не выходят на линию. С год назад в отдел один автобусник подал заявление о том, что ему угрожают таксисты, требуют, чтобы он работал не дольше чем до восьми вечера. Мол, стекла побьем, колеса порежем. Он и кинул заяву.

Наивный. Когда я подъехал к стоянке, его автобус покоился на дисках. Пробили все колеса. Все восемь! И никто ничего не видел, никто ничего не знает. Полный беспредел! Мужик заявление забрал...

Так что – или такси, или дожидайся редких дежурных автобусов. Денег у меня нет, так что только автобусы.

В общем, когда я открывал свою ободранную дверь, было уже за полночь. Темно, тихо, город спит, и только редкие окна в пятиэтажке напротив все еще горят, как маяки запоздавшим мужикам. Манят на свет – мол, ждем тебя, скорее, и чай уже в кружку налит! Где ты?! Скорее приходи!

Меня некому ждать. Даже кота нет. Только тараканы. И те в последнее время начали исчезать – говорят, что на полигоне в области уничтожают химическое оружие, так экология настолько мерзкая, что даже тараканы от нас убежали.

Привычно прошел к холодильнику, достал початую бутылку водки – стресс нужно снимать. Набегаешься за день – нервы аж звенят, пальцы трясутся, желудок стягивает желание ощутить эту горячую струю, растапливающую, уносящую все, что намерзло на душу за этот обычный, ничем не примечательный день.

Подошел к кухонному столу, привычным движением скрутил крышку с бутылки, подул в граненый стакан, выдувая из него невидимые пылинки и тараканье дерьмо, и... замер. Замер!

Я не хочу пить. Я не хочу пить! Хватит! Я хочу совсем

другого! Крови! Напиться горячей крови врага – что может быть лучше?!

Я даже ощутил эту кровь – горячую, пахнущую железом, соленую. И картинка: я рву зубами глотку того, кто лишил меня всего на свете – всей моей жизни!

Подошел к раковине под кухонным краном и медленно, без эмоций опрокинул бутылку вверх дном. Бульк... бульк... бульк... Последняя капелька повисла на краю горлышка, повисела секунду и отправилась вслед за другими. Туда, где и было место этой проклятой жидкости, – в дерьмо!

А потом отправился к холодильнику, выволок оттуда все пять бутылок и одну за другой опустошил туда же – без сожаления, без каких-то побочных мыслей – как механизм, робот, которому дали приказ уничтожить ядовитые продукты.

Все, теперь водки у меня в доме не будет. Никогда! Ни за что! И пива. И вина. И... всего, что одурманивает, всего, что убивает мой мозг и мешает мне исполнить задуманное!

Трезвым внимательным взглядом осмотрел кухню – стол, весь в крошках, мусорное ведро, из которого вываливаются бумаги и банки, пол, стоять на котором босиком просто неприятно из-за тех же крошек и пыли. Все замусоленное, нечистое, как у человека, который наплевал на все и на вся.

Ну что же, новая жизнь? Путь самурая. Путь к смерти. Ведь самурай всю свою жизнь готовится к смерти. Кодекс Бусидо. Как там сказано? «Самурай должен следовать справедливости и отстаивать ее даже ценой своей жизни». Ценой

жизни!

Я – самурай! И я буду отстаивать справедливость!

Эта мысль меня просто окрылила. И первое, что я избрал орудием своего возмездия, – это ведро с тряпкой.

На спальню ушло двадцать минут. На гостиную – еще столько же. Воду пришлось менять шесть раз. Крошки со столов, старые газеты, пробки, огрызки – все в мусор! Все в пакет! Завтра вынесу.

Из шкафа достал последнюю чистую простыню, пододеяльник – перестелил постель. Грязное белье из корзины и то, что только что снял с кровати, засунул в стиральную машину. У меня полуавтоматическая, «Вятка», давно с Машей купили. Я ее почти и не использовал. Потрудиться ей придется – ой-ой, накопил я столько, что стирать не перестирать!

Ужинать не стал – время уже подкрадывается к «часу быка». На улице темень, потухли и последние окошки в пятиэтажке напротив. Одно только горит – видать, не дождалась... или не дождался.

Тщательно вымылся, сменил трусы, майку. Когда переодевался, посмотрел на себя в большое зеркало на стене. Ну что сказать... я ожидал худшего. Ну да, худой. Но так-то довольно-таки жилистый, крепкий, силу пропить не успел. Дыхалки нет? Это тоже все наживное. Пойду на тренировки, быстро форму наберу. В конце концов, мне всего тридцать лет!

Качаться с железом не буду. Мой тренер по карате говорил – от этого теряется скорость. А для меня скорость – это

самое главное. Я не собираюсь пугать противника раздутыми мышцами тяжелоатлета. Мне быстренько завалить его – и слава богу, сразу в бега!

Кстати, насчет завалить... давно хотел изучить ножевой бой. Но только то, что преподавали в спортивных секциях, – полная ерунда. Нужен настоящий специалист. Такой, как Сазонов. Почему я решил, что он специалист? Да по всему видно! Спецура, без сомнения! Встречал я таких.

Только что он делает тут, у нас? В этом захолустье? Почему не сидит в Москве или, на крайний случай, в Питере?

И вот еще что странно – я не заметил присутствия его супруги. Не было никакой супруги, совсем! Почему? Одни загадки. Ощущение, что я случайно куда-то провалился, или скорее – ввалился. В чужой дом, в чужую жизнь. Которая скоро станет и моей жизнью...

Как ни странно, кошмар этой ночью ко мне не пришел. Впервые за много, много недель и месяцев. Мне вообще ничего не снилось. Совсем. И впервые за многие месяцы проснулся я свежим и отдохнувшим, хотя и проспал всего-навсего пять часов. Быстро пожарил себе яичницу на остатках завалившегося в угол морозилки кусочка сала, поел – без хлеба. Увы, ни куска не нашел, одни крошки. Все, теперь новая жизнь. Теперь – путь самурая!

Скоро я уже шагал к остановке, наслаждаясь солнечным летним утром, ветерком и собственным здоровьем. Голова не болела, во рту не нагажено – хорошо быть здоровым и не

с похмелья! Ни капли спиртного! Навсегда! Ни капли!

Я даже на планерку успел раньше всех. И это притом, что до начала планерки успел еще и расстаться с несколькими материалами, запулив их заместителю начальника отделения участковых.

И только я уселся на мягкое кресло в конференц-зале, расслабился и приготовился получить втык за что-нибудь пока самому мне не ясное, из коридора донесся голос майора Хадриева:

– Каргин! Иди сюда! Скорее!

Я подхватил свой «чемодан» – никогда не оставляю его без присмотра, мало ли что с ним может случиться, а там ведь бумаги под «грифом» – и через несколько секунд уже стоял перед представительной группой из четырех человек – сам майор и три молодые женщины приятной наружности.

Одна – Таня Краюхина, из «детской комнаты», и две мне не известные, обеим хорошо за тридцать, аккуратно одетые, чуть полноватые дамы. По виду обыкновенные чиновницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.